

1877 г. т. I

ГОРНОЗАВОДСКІЕ КРЕСТЬЯНЕ

НА

УРАЛѢ ВЪ 1760 — 1764 гг.

Въ русской исторической литературѣ есть нѣсколько очень почтенныхъ изслѣдованій по исторіи крѣпостныхъ крестьянъ; это объясняется отчасти тѣмъ, что необходимость обстоятельно и всесторонне разсмотрѣть вопросъ объ ихъ освобожденіи, которую почувствовало двадцать лѣтъ тому назадъ наше общество, заставило нашихъ ученыхъ историковъ и юристовъ обратить вниманіе на изученіе ихъ прошлой жизни. Желая удовлетворить такой потребности, покойный И. Д. Бѣляевъ въ своей извѣстной книгѣ «Крестьяне на Руси» прослѣдилъ преимущественно развитіе крѣпостного права. Гораздо менѣе посчастливилось у насъ крестьянамъ государственнымъ, и мы до сихъ поръ не имѣемъ сочиненія, въ которомъ была бы разсмотрѣна исторія всѣхъ отдѣловъ этихъ крестьянъ, хотя бы начиная съ эпохи Петра В., какъ это сдѣлано относительно дворянства и приходскаго духовенства въ извѣстныхъ трудахъ гг. Романовича-Славатинскаго и Знаменскаго. Исторія крестьянъ, обнимающая всѣ стороны ихъ жизни, само собою разумѣется, еще болѣе необходима; но такой трудъ едва ли даже возможенъ въ настоящее время при скудости *изданныхъ* по этому вопросу матеріаловъ. Мы полагаемъ, что полную, удовлетворяющую всѣмъ научнымъ требованіямъ исторію русскихъ крестьянъ мы будемъ имѣть лишь тогда, когда многія лица займутся или изученіемъ какого-нибудь одного отдѣла крестьянъ за обширный періодъ времени, или будутъ изучать

всѣ отдѣлы крестьянъ въ одну опредѣленную эпоху, не ограничиваясь при этомъ одними печатными источниками.

Въ настоящей статьѣ мы хотимъ обратить вниманіе читателей на весьма любопытный и совершенно неизвѣстный въ историческомъ отношеніи отдѣлъ государственныхъ крестьянъ, именно крестьянъ горнозаводскихъ. Крестьяне эти жили не только въ приуральскомъ краѣ, а также въ Сибири и въ нынѣшней олонекской губерніи; но на этотъ разъ мы ограничиваемся однимъ эпизодомъ изъ исторіи уральскихъ крестьянъ. Изученіе ихъ жизни и волненій въ началѣ второй половины XVIII в. весьма важно не только само по себѣ, но между прочимъ и для правильнаго объясненія пугачевщины, которая мало понятна для насъ безъ изученія предшествовавшихъ народныхъ волненій. По сую сторону Волги пугачевщина подняла массы крѣпостныхъ крестьянъ, раздраженныхъ тяжелымъ гнетомъ, который съ теченіемъ времени дѣлался все болѣе невыносимымъ. Но на Уралѣ жили почти исключительно крестьяне государственные: почему же волненіе и здѣсь быстро распространилось; почему манифесты Пугачева жадно читались уральскимъ населеніемъ, которое поставило значительный контингентъ для его полчищъ; почему на здѣшнихъ заводахъ отливали для Пугачева пушки, съ распростертыми объятіями принимали его самого и его генераловъ?

Горнозаводскіе крестьяне составляли въ прошломъ столѣтіи часть государственныхъ крестьянъ, но отличались отъ нихъ тѣмъ, что не уплачивали своихъ податей деньгами, а обязаны были отработывать ихъ на казенныхъ и частныхъ горныхъ заводахъ за опредѣленную плату. Вознагражденіе за трудъ не выдавалось имъ на руки, а зачитывалось въ уплату податей. Крестьяне эти были приписаны къ заводамъ и назывались *приписными*. Нѣсколько случаевъ приписки крестьянъ къ различнымъ частнымъ горнымъ заводамъ мы встрѣчаемъ еще въ XVII вѣкѣ. Съ самаго начала XVIII столѣтія они являются готовою рабочею силою и для казенныхъ горныхъ заводовъ. По мѣрѣ развитія горнаго дѣла число приписныхъ крестьянъ все возросло, такъ что въ 1719 г. за всѣми казенными и частными заводами числилось ихъ уже болѣе 30,000 душъ.

Мы сказали, что приписные крестьяне работали за опредѣленное вознагражденіе, которое и зачиталось имъ въ уплату податей. Понятно, что продолжительность этой обязательной работы обуславливалась, съ одной стороны, размѣромъ податей, а съ другой — величиною платы за трудъ. Вотъ какое вознагражденіе крестьянамъ назначило правительство въ 1724 г. за работу на

заводахъ: въ лѣтнее время пѣшему рабочему по 5 коп. въ день, конному по 10 к.; зимою пѣшему по 4 к., конному по 6 к. Податей въ это время собиралось въ годъ по 70 к. съ души. Этотъ подушный окладъ въ 70 к. пѣшій рабочій могъ бы отработать въ двѣ недѣли, но каждый изъ нихъ работалъ не только за себя, а также и за всѣ ревизскія души, т.-е. за стариковъ, малолѣтнихъ и умершихъ послѣ ревизіи, и потому въ дѣйствительности каждому взрослому крестьянину приходилось работать гораздо болѣе. Однако въ первое время положеніе приписныхъ крестьянъ было все-таки несравненно лучше, чѣмъ впослѣдствіи.

Съ развитіемъ горнаго промысла и увеличеніемъ числа заводовъ количество приписныхъ крестьянъ возрастаетъ¹⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшается и ихъ положеніе. Это объясняется тѣмъ, что казенные крестьяне, жившіе вблизи заводовъ, и которыми, слѣдовательно, было недалеко ходить на работу, скоро были почти всѣ приписаны къ заводамъ и тогда стали привлекать къ горнымъ работамъ крестьянъ, все далѣе живущихъ отъ заводовъ. Дошло до того, что крестьянъ казанскаго уѣзда приписывали къ заводамъ, построеннымъ въ оренбургской губерніи въ глубинѣ Башкиріи, такъ что нѣкоторымъ нужно было проходить на заводъ болѣе 600 верстъ въ одинъ конецъ. Крестьяне стали тратить много времени на проходъ, а между тѣмъ увеличилось и количество работъ на самомъ заводѣ. Это произошло отъ того, что плата за работу, назначенная указомъ 1724 г., не была возвышена до 1769 г., а между тѣмъ подати за это время поднялись съ 70 к. до 1 р. 70 к., и, слѣдовательно, крестьянамъ приходилось работать на заводахъ болѣе, чѣмъ вдвое сравнительно съ прежнимъ.

Очень неблагопріятно также отразилось на ихъ судьбѣ то обстоятельство, что въ царствованіе императрицы Елисаветы, въ 50-тыхъ годахъ, множество казенныхъ заводовъ были проданы за ничтожную цѣну разнымъ вельможамъ: П. И. Шувалову, гр. И. Г. Чернышеву, гр. М. Л. Воронцову, брату его Р. Л. Воронцову, а также секундъ-майору Гурьеву и Турчанинову. Вмѣстѣ съ заводами перешли въ ихъ распоряженіе и приписные къ нимъ крестьяне: они должны были по прежнему отработывать тамъ свой подушный окладъ, а заработанные ими подати владѣльцы заводовъ вносили за нихъ въ казну. Для новыхъ владѣльцевъ этихъ заводовъ было весьма важно, что эти крестьяне были обязаны работать у нихъ: такимъ образомъ они имѣли въ своемъ

¹⁾ По второй ревизіи (1742 г.) ихъ было уже 102,500 душъ.

распоряженіи дешевыхъ рабочихъ. И во время казеннаго управленія по отношенію къ горнозаводскимъ крестьянамъ было много злоупотребленій, но съ тѣхъ поръ, какъ заводы перешли въ руки частныхъ владѣльцевъ, эти злоупотребленія страшно увеличились.

Крестьяне не остались пассивными зрителями передачи ихъ на произволъ частныхъ заводчиковъ. Немедленно за продажей казенныхъ заводовъ частнымъ владѣльцамъ начались волненія приписныхъ крестьянъ. Два случая волненій въ тогдашнемъ казанскомъ уѣздѣ мы видимъ уже въ 1756 г.; но тогда раздача заводовъ разнымъ лицамъ, приближеннымъ ко двору, еще только начиналась. Чѣмъ болѣе раздавалось заводовъ, тѣмъ сильнѣе дѣлалось недовольство крестьянъ. Съ 1760 года за Ураломъ начинаются постоянныя вспышки, которыя, постепенно разрастаясь, охватываютъ наконецъ всю мѣстность, населенную крестьянами, приписанными къ уральскимъ заводамъ. Только черезъ 5 лѣтъ, т. е. въ 1764 году, крестьяне были окончательно усмирены. Въ этомъ волненіи принимали участіе лишь приписанные къ частнымъ заводамъ. Впрочемъ, въ это время оставалось всего 15,000 крестьянъ, работавшихъ на казенныхъ уральскихъ заводахъ, тогда какъ за частными заводами считалось 100,000 человекъ.

Исторія этого волненія и описаніе положенія приписныхъ уральскихъ крестьянъ въ это время и составляетъ ближайшій предметъ настоящей статьи. Однако, прежде чѣмъ перейти къ разсказу о волненіи, мы должны выяснить нѣкоторые вопросы относительно положенія приписныхъ крестьянъ въ 50-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія, насколько это положеніе было опредѣлено закономъ; при этомъ мы будемъ имѣть въ виду исключительно приписныхъ къ частнымъ заводамъ.

Мы уже сказали, что приписные крестьяне должны были отработывать на заводахъ свой подушный окладъ. При ничтожной платѣ за трудъ это отнимало весьма много времени. Но, по крайней мѣрѣ, отработавъ свои подати (въ началѣ 50-тыхъ годовъ — 1 р. 10 к., а съ 1760 г. — 1 р. 70 к.), могъ ли крестьянинъ быть вполне увѣренъ, что ему не придется въ томъ же году еще работать на заводѣ, другими словами: *могъ ли владѣлецъ завода заставлять крестьянина работать и сверхъ подушнаго оклада?*

Дозволивъ въ 1702 году приписать крестьянъ къ Невьянскому желѣзному заводу Демидова, Петръ Великій приказалъ, въ томъ случаѣ, если понадобится, чтобы крестьяне работали болѣе, чѣмъ за подушный окладъ, выдавать имъ за лишнюю работу деньги на руки. То же самое было сказано о приписныхъ крестьянахъ во-

обще, и въ именномъ указѣ Петра, 29 мая 1724 года. Но въ обоихъ этихъ указахъ правительство заботилось главнымъ образомъ о томъ, чтобы крестьяне не остались безъ всякаго вознагражденія за работу сверхъ подушнаго оклада, если въ ней окажется надобность. Гораздо яснѣе выражено дозволеніе заставлять крестьянъ работать и сверхъ оклада—въ утвержденномъ императрицею Анною (8 августа 1740 года) докладѣ извѣстнаго бергъ-директора Шембергга. Приписные крестьяне,—сказано было въ немъ,—должны отработывать на заводахъ положенныя на нихъ подати. Но такъ какъ работа на заводѣ продолжается въ теченіе цѣлаго года, то на то время, когда не будутъ работать приписные, заводчики должны нанимать вольнонаемныхъ рабочихъ. Если же, они совсѣмъ не найдутъ «наемщиковъ и подрядчиковъ», или *тѣ будутъ просить за работу очень дорого*, въ такомъ случаѣ владѣлецъ завода могъ заставлять приписныхъ крестьянъ работать и *сверхъ подушнаго оклада*, выплачивая имъ только за это деньги по опредѣленной правительствомъ таксѣ. Такимъ образомъ Шембергъ, этотъ клеветъ Бирона, этотъ проходимецъ, доказывавшій изъ корыстныхъ видовъ, что для государства гораздо выгоднѣе передать всѣ казенные заводы въ частныя руки и при этомъ забравшій себѣ самый лакомый кусокъ (Гороблагодатскіе заводы), убѣдилъ правительство окончательно дозволить заводчикамъ требовать отъ приписныхъ крестьянъ работы и сверхъ подушнаго оклада. Заводчикъ могъ прибѣгать къ этой обязательной работѣ всякій разъ, когда онъ найдетъ, что вольнонаемные рабочіе запрашиваютъ слишкомъ дорого, т.-е. всегда, когда ему вздумается. Такъ какъ Шембергъ скоро лишился Гороблагодатскихъ заводовъ и былъ выгнанъ изъ Россіи, и такъ какъ потомъ до половины 50-тыхъ годовъ казенные заводы не раздавались въ частныя руки, то это постановленіе стали примѣнять только съ 1754 года, но за то потомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ роздали частнымъ лицамъ почти всѣ казенные уральскіе заводы и при этой раздачѣ всякій разъ подтверждалось, что владѣльцы заводовъ имѣютъ право требовать отъ приписныхъ крестьянъ работы и сверхъ подушнаго оклада ¹⁾.

Если заводчики могли удерживать приписныхъ крестьянъ на работѣ, сколько имъ вздумается, только уплачивая имъ деньги за лишнюю работу, то естественно является вопросъ, не могли ли они совсѣмъ оставлять ихъ на заводѣ, словомъ: *могли или*

¹⁾ Только на одномъ заводѣ было сдѣлано отступленіе отъ этого правила, о чемъ мы скажемъ ниже.

нѣтъ заводчики переселять приписныхъ крестьянъ къ себѣ на заводы и превращать ихъ въ заводскихъ мастеровыхъ, которые должны были постоянно работать на ихъ заводы? Въ бергъ-регламентѣ 1739 года, который былъ созданиемъ того же Шембергга, вотъ что было сказано по этому поводу: «если кто заведетъ полезные государству заводы, а вольныхъ работниковъ достать не можетъ, то къ тѣмъ заводамъ приписывать крестьянъ не цѣлыми волостями, а по разсмотрѣнію давать по нѣскольку дворовъ, которые самимъ заводчикамъ переводить и поселять при заводахъ». Къ счастью, это постановление бергъ-регламента не получило впослѣдствіи такой силы, какъ правило о работахъ сверхъ подушнаго оклада. Правда, всемогущій при императрицѣ Елисаветѣ П. И. Шуваловъ получилъ разрѣшеніе переселять по своему усмотрѣнію приписныхъ крестьянъ на переданные ему заводы; но это былъ исключительный случай. Взглядъ правительства на этотъ вопросъ въ концѣ 50-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія былъ высказанъ очень ясно въ одномъ сенатскомъ указѣ 1760 года. Графъ Чернышевъ подалъ прошеніе, чтобы ему дозволили пополнить число мастеровъ на отданныхъ ему казенныхъ Юговскихъ заводахъ изъ приписанныхъ къ нимъ крестьянъ. Бергъ-коллегія представила этотъ вопросъ на усмотрѣніе сената, и тотъ разрѣшилъ Чернышеву переселить на заводъ болѣе 200 человекъ, но съ тѣмъ, «чтобы вѣчно имъ при тѣхъ заводахъ не быть» и чтобы онъ старался обучать и заставлялъ работать на своихъ заводахъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ, говорить сенатъ, «къ партикулярнымъ заводамъ деревни приписываются на время, а не вѣчно». Мы видимъ, слѣдовательно, что можно было переселять на заводъ приписныхъ крестьянъ не иначе, какъ по особому разрѣшенію правительства, и при томъ еще заводчики могли ожидать, что у нихъ отнимутъ этихъ рабочихъ.

Не такъ опредѣленно мы можемъ отвѣтить на вопросъ: *могли ли частные заводчики наказывать приписныхъ крестьянъ?* Относительно приписныхъ къ Невьянскому заводу указъ 1702 года разрѣшаетъ этотъ вопросъ положительно: Демидовъ могъ за ослушаніе или лѣность на работѣ наказывать этихъ крестьянъ батогами или плетми, могъ даже надѣвать на нихъ оковы. Въ указахъ, по которымъ при Елисаветѣ раздавались казенные заводы частнымъ владѣльцамъ, нигдѣ не упоминалось, что они могли наказывать приписныхъ. Но вотъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній по жалобамъ крестьянъ, князь Вяземскій, отправленный императрицею Екатериною для усмиренія волненія, говорить, что по указу сената велѣно, чтобы заводскія конторы *напрягали*

крестьянъ на работу и во время работъ вѣдали ихъ судомъ и расправою, т.-е., очевидно, такъ же какъ и Демидовъ, онѣ могли наказывать ихъ за ослушаніе и лѣность на работѣ. Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не нашли такого указа, и потому не можемъ сказать положительно, правильно ли понялъ князь Вяземскій указъ, о которомъ онъ упоминаетъ, и дѣйствительно ли было издано такое общее постановленіе по этому вопросу. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что не только въ царствованіе императрицы Елисаветы *не было запрещено* заводчикамъ самимъ наказывать крестьянъ, но и въ первыя 20 лѣтъ царствованія императрицы Екатерины II не было издано такого запрещенія, даже и послѣ того, когда на слѣдствіи, произведенномъ княземъ Вяземскимъ, обнаружилось, какимъ возмутительнымъ насиліямъ подвергались приписные крестьяне на частныхъ заводахъ.

Итакъ, заводчикамъ не было запрещено наказывать государственныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ ихъ заводамъ. Что касается отправленія крестьянъ на работу, то этимъ несомнѣнно завѣдывала заводская контора. Для этого повѣренные заводчика или жили въ приписныхъ селахъ, или наѣзжали туда на время, и, если крестьяне не высылали требуемыхъ рабочихъ, понуждали ихъ къ тому разными жестокими наказаніями, и только въ томъ случаѣ, если это не дѣйствовало, обращались за помощію въ правительственные учрежденія. Не имѣли ли заводчики и еще большаго вліянія на внутреннее управленіе крестьянъ; такъ, напримѣръ, не могли ли они *неповинующихся имъ крестьянъ отдавать въ солдаты*, словомъ: производили ли крестьяне раскладку натуральной воинской повинности, которую они несли наравнѣ со всѣми другими крестьянами, сами, или и въ этомъ отношеніи заводчики могли распоряжаться ими по своему усмотрѣнію? На это мы можемъ совершенно опредѣленно дать отрицательный отвѣтъ: они не имѣли никакого права вмѣшиваться въ отправленіе крестьянами рекрутской повинности; какъ и всѣ государственные крестьяне, приписные были подвѣдомственны въ этомъ отношеніи исключительно губернскимъ и провинціальнымъ канцеляріямъ. Впрочемъ, заводчики и не посягали на такое вмѣшательство; исключеніе изъ этого мы найдемъ только на заводѣ Евд. Демидова, гдѣ было особенно много и другихъ злоупотребленій.

Вотъ какія работы должны были исполнять приписные крестьяне на заводахъ. Съ 25 марта по 1 мая они должны были рубить дрова; съ 1 іюня по 10 іюля складывали дрова въ кучи, работали въ рудникахъ и обжигали руду. Если они не доработаютъ подушный окладъ въ это время, то ихъ можно было заста-

вить работать еще съ 15 сентября по 1 ноября, а всего 122 дня въ году. Однако на дѣлѣ крестьянамъ приходилось работать гораздо болѣе. Точно также, несмотря на то, что крестьяне должны были исполнять только работы, необходимыя для горнаго дѣла, заводчики нерѣдко заставляли ихъ строить дома, косить сѣно и т. п.

Изъ всего сказаннаго видно, что и *по закону* заводчики пользовались слишкомъ широкими правами относительно приписныхъ крестьянъ, но онѣ казались имъ еще недостаточными, и они позволяли себѣ самыя вопіющія злоупотребленія. Понятно, что терпѣніе крестьянъ наконецъ истощилось, и пятилѣтнее волненіе (1760—1764 гг.), о которомъ мы будемъ говорить въ этой статьѣ, явилось естественнымъ результатомъ безразсудной раздачи казенныхъ заводовъ въ частныя руки и всевозможныхъ насилій, которыя приходилось выносить крестьянамъ отъ заводскихъ управленій.

Это народное движеніе, имѣвшее въ свое время большое значеніе, было до сихъ поръ почти совершенно неизвѣстно. Нѣсколько строкъ, далеко не точныхъ, въ біографіи А. И. Бибикова, два-три намека въ нѣкоторыхъ статьяхъ, касающихся исторіи уральскихъ заводовъ, инструкція имп. Екатерины кн. Вяземскому, посланному, чтобы подавить возмущеніе, да нѣсколько указовъ правительства—вотъ и все, что до сихъ поръ было о немъ извѣстно. Въ нашей статьѣ, составленной почти исключительно на основаніи *неизданныхъ источниковъ*, мы предполагаемъ сначала подробно разсказать читателямъ исторію волненія, а затѣмъ разсмотрѣть его причины, какъ онѣ выяснились на слѣдствіи. Почти всѣ крестьяне, приписанные къ частнымъ уральскимъ заводамъ, а ихъ было, какъ мы уже знаемъ, около 100,000 ч., принимали участіе въ этомъ волненіи. Они преимущественно населяли восточную часть нынѣшней пермской губерніи, а также тогдашніе уѣзды: казанскій, соликамскій, чердынскій и кунгурскій; волненія были и на самыхъ заводахъ, словомъ—волновалась большая часть приуральскаго края, какъ по ту, такъ и по сю сторону Урала.

I.

Исторія волненія до назначенія кн. Вяземскаго.

Волненіе начинается въ 1760 году въ юго-восточномъ углу нынѣшней пермской губерніи и именно въ селеніяхъ крестьянъ, приписанныхъ къ Каслинскому и Кыштымскому заводамъ Никиты Демидова. Селенія эти были расположены въ двухъ мѣстахъ: одни за нынѣшнимъ г. Камышловымъ—слободы Юрмыцкая, Куяровская, Угецкая и Чубаровская, другія южнѣе, къ востоку отъ Шадринска — Масленскій острогъ и Барневская слобода ¹⁾. Мы не находимъ нужнымъ описывать ходъ волненія во всѣхъ этихъ селеніяхъ; достаточно будетъ остановиться на Масленскомъ острогѣ и Барневской слободѣ, гдѣ дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ.

Масленскій острогъ, довольно большое селеніе при впаденіи маленькой рѣки Масленки въ Исеть, въ 18-ти верстахъ отъ г. Шадринска, былъ обнесенъ деревяннымъ укрѣпленіемъ. Между нимъ и Шадринскомъ находилась Барневская слобода. Въ этихъ двухъ селеніяхъ и многихъ окрестныхъ деревняхъ жили приписные крестьяне. Весною 1760 г. кыштымская заводская контора Демидова прислала сюда приказъ выслать рабочихъ на вновь основываемый Азяшъ-Уфимскій заводъ. Крестьяне отправились въ путь, но, пройдя Шадринскъ, остановились въ полѣ. Тутъ они рѣшили не ѣхать на работу: тѣхъ, которые не соглашались съ ними, они насильно возвращали домой; посланнаго изъ завода сильно избили и прогнали прочь.

«Не ѣзди къ намъ впередъ для высылки на работы», объявили они ему. «Мы были приписаны Демидову только на три года, и ужъ отработали свое. Пусть теперь поработаютъ другія слободы».

Вслѣдъ затѣмъ крестьяне подали прошеніе въ камышловскую земскую контору. Они жаловались, что, вслѣдствіе истязаній приказчиковъ и нарядчиковъ Демидова, у нихъ умерло уже 12 человекъ, и просили освободить ихъ отъ заводскихъ работъ. Камышловская контора отвѣчала имъ, что такъ какъ они приписаны къ заводамъ Демидова по сенатскому указу, и притомъ вовсе не на три года, то и нельзя исполнить ихъ просьбу. Съ своей стороны, канцелярія главнаго правленія заводовъ (главное

¹⁾ Всего къ этимъ двумъ заводамъ Демидова было приписано въ 1756 году 5582 души.

мѣстное учрежденіе, завѣдывавшее всѣми уральскими заводами), осаждаемая просьбами изъ заводской конторы Демидова, понуждала крестьянъ немедленно выслать рабочихъ на Азяшъ-Уфимскій заводъ. Она грозила, что, въ случаѣ сопротивленія, десятый по жребію будетъ высѣченъ плетью, а всѣ остальные батогами. Для успокоенія крестьянъ, она отправила подпрапорщика Завьялова съ нѣсколькими солдатами.

Пріѣхавъ 18 іюня къ Масленскому острогу, Завьяловъ нашелъ тамъ сборище человекъ въ 900. Крестьяне сначала не хотѣли пускать его въ крѣпость, но наконецъ согласились. Завьяловъ съ своею ничтожною командою отправился въ мірскую избу; туда же собрались крестьяне, вооруженные ружьями, копьями, луками, бердышами и дубинами. Завьяловъ три раза прочелъ привезенный имъ указъ главнаго правленія заводовъ и уговаривалъ крестьянъ оставить ихъ «злыхъ и затѣйныхъ негодности».

«На работѣ у Демидова быть не хотимъ и указа не слушаемъ», единогласно отвѣчали они: «пусть присылаютъ хоть десять указовъ и какую хотятъ команду; до тѣхъ поръ не пойдемъ на работу къ Демидову, пока не будетъ указа изъ сената за собственной подписью государыни».

Вслѣдъ затѣмъ крестьяне схватили служителя Демидова, пріѣхавшаго съ Завьяловымъ, повели его въ амбаръ и грозили заморить голодною смертью.

«Какъ насъ морили Демидовъ и его приказчики», кричали они, «такъ и мы его заморимъ».

Завьялову, правда, удалось освободить служителя, но за то ему самому не дали квартиры и тотчасъ выгнали изъ крѣпости.

«Коли вамъ надо съ командою тутъ жить, такъ стойте за крѣпостью въ полѣ, а не въ жильѣ. А коли много будете разговаривать, такъ тебя и всю твою команду убьемъ, по крайности скорѣе будетъ на насъ челобитье въ сенатъ».

Такъ же безуспѣшна была поѣздка Завьялова и въ Барневскую слободу. Крестьяне прислали въ канцелярію главнаго правленія заводовъ письменный отвѣтъ, что всѣ они, а не только тѣ, которыхъ считаютъ бунтовщиками и зачинщиками, не пойдутъ на заводскія работы; къ этому они прибавляли, что желаютъ быть по прежнему «во всякихъ казенныхъ податяхъ», какъ были до приписки къ заводамъ. Тогда для усмиренія крестьянъ былъ посланъ капитанъ Метлинъ съ 6 солдатами.

Въ концѣ сентября Метлинъ, съ приказчикомъ Демидова Набатовымъ, отправился въ Масленскій острогъ. Крестьяне приго-

товились его встрѣтить; собрали въ крѣпости много камней «и прочихъ къ супротивленію разныхъ орудій», заперли ворота и заставили ихъ рогатками; Метлина въ крѣпость они не пустили и не дали ему тамъ квартиры. Остановившись, не доѣзжая крѣпости, онъ подошелъ къ ней, и просилъ выслать къ себѣ нѣсколькихъ крестьянъ, объяснивъ при томъ, что имъ нечего его бояться, такъ какъ у него слишкомъ мало солдатъ. Когда «лучшіе» крестьяне вышли къ нему, Метлинъ прочелъ имъ указъ канцеляріи и объявилъ, что вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ приказчикъ Демидова, который готовъ разсчитаться съ ними за то, сколько они работали сверхъ подушнаго оклада. Онъ уговаривалъ ихъ, чтобы, до полученія новаго сенатскаго указа, они отработывали, по крайней мѣрѣ, подати, и общалъ, что на заводахъ приказчики не будутъ ни бить ихъ, ни назначать штрафовъ; по своимъ дѣламъ они могутъ разбираться у своихъ сотскихъ и десятскихъ; если же кто провинится предъ заводскою конторою, то она будетъ отсылать виновныхъ въ общія судебныя мѣста. Но крестьяне продолжали стоять на своемъ.

«Мы готовы всѣ помереть, а на заводы не пойдемъ», говорили они.

Въ поданномъ ими письменномъ отвѣтѣ они выражались такимъ образомъ: «указъ о увѣщаніи въ демидовскія заводскія работы всѣ со истолкованіемъ слышали и въ силу того указа въ слышаніи довольны, токмо въ заводскія демидовскія тягчайшія работы нынѣ уже и впредь ѣхать не желаемъ, за великотягчайшими несноснонестерпимыми работами, въ которыхъ тягчайшихъ, смертельныхъ и тиранскомучительныхъ работахъ многое число крестьянъ смертельно бито, а иныхъ и до смерти много убито». Метлинъ и Набатовъ должны были уѣхать, ничего не добившись отъ крестьянъ.

О всѣхъ этихъ событіяхъ было послано донесеніе въ сенатъ и бергъ-коллегію, которая, по указу сената, предписала (31 октября 1760 г.) канцеляріи главнаго правленія заводовъ какъ можно скорѣе произвести разсчетъ, сколько крестьянами заработано денегъ, а также назначить слѣдствіе по жалобамъ крестьянъ на побои и убійства; но въ то же время она приказывала принудить крестьянъ идти на работу. Въ февралѣ 1761 г. оренбургская губернская канцелярія отправила для изслѣдованія по жалобамъ крестьянъ капитана Ивана Симонова, который прежде всего долженъ былъ ѣхать въ Челябинскъ и выбрать мѣсто на полпути между заводами и жилищами крестьянъ. Затѣмъ отправиться въ Масленскій острогъ, объявить указы сената и бергъ-

коллегіи, не собирая всѣхъ крестьянъ въ одно мѣсто, и требовать, чтобы они шли на работы. Что касается отправленія крестьянъ на Азяшъ-Уфимскій заводъ, изъ-за чего и началось волненіе, то оренбургская губернская канцелярія нашла, что она не можетъ принудить крестьянъ къ этой работѣ, такъ какъ они были приписаны въ 1756 г. только къ Каслинскому и Кыштымскому заводамъ. Въ случаѣ сопротивленія крестьянъ, Симоновъ могъ потребовать для ихъ усмиренія войско. Приѣхавъ въ Шадринскъ, Симоновъ послалъ приказъ, чтобы масленскіе крестьяне собрались въ свой острогъ, а барневскіе отдѣльно въ свою слободу. Но масленскіе крестьяне отвѣчали:

«Слушать указъ будемъ всѣ вмѣстѣ, въ сборищѣ и съ барневскими: у насъ у всѣхъ душа за едино; и ежели они къ намъ не пойдутъ, такъ мы ихъ и дубьемъ къ себѣ загонимъ».

Тогда Симоновъ съ солдатами отправился въ Масленскій острогъ. Онъ приѣхалъ въ то время, когда крестьяне всѣмъ міромъ служили молебень. По окончаніи его, онъ объявилъ имъ указъ, но они по прежнему наотрѣзъ отказались идти на работы. Симоновъ рѣшилъ, что безъ войска тутъ ничего не подѣлаешь. По его требованію атаманъ челябинскихъ казаковъ прислалъ 60 человекъ, которые и были расположены постоемъ по окрестнымъ селеніямъ. Крестьяне съ своей стороны не дремали. До Симонова доходили слухи, что въ Масленскомъ острогѣ собралось множество крестьянъ, изъ которыхъ 100 человекъ на коняхъ и съ ружьями приготовились встрѣтить его и не допустить къ острогу. Остальные крестьяне были вооружены копьями, сайдаками и дубинами; у многихъ на кушакахъ висѣли большіе ножи. Они не выходили изъ Масленскаго острога и все время были на сторожѣ; подъ башнями у воротъ стоялъ караулъ. Отъ времени до времени крестьяне собирались всѣ вмѣстѣ и выстраивались фронтомъ; передъ нѣкоторыми были воткнуты копья, другіе держали въ рукахъ дубины. Это былъ своего рода военный смотръ и ученіе. Когда однажды ночью туда приѣхалъ одинъ шадринскій священникъ, караулъ окликнулъ его и пропустилъ въ ворота, но у конторы его остановили и спрашивали, кто онъ такой, не приказчикъ ли Демидова; такъ какъ было темно, то вынесли огонь и осмотрѣли какъ священника, такъ и всѣхъ приѣхавшихъ съ нимъ «по головамъ». Убѣдившись, что это не ненавистные имъ приказчики, крестьяне отпустили священника. Они безпрестанно били въ набатъ, такъ что, наконецъ, масленскій священникъ снялъ языки со всѣхъ колоколовъ. Такая тревожная жизнь, необходимость быть вѣчно на сторожѣ—чрез-

вычайнo мѣшала полевымъ работамъ. Поэтому крестьяне жаловались шадринской канцеляріи, что къ нимъ пріѣзжали «не-знаемо съ чего» многолюдныя команды (т.-е. Завьяловъ, Метлинъ и Симоновъ), чтобы высылать ихъ на заводы, да, кромѣ того, Демидовъ собираетъ съ тою же цѣлью другіе отряды. Такимъ образомъ, правительственныя войска являлись въ глазахъ крестьянъ только исполнителями желаній Демидова, его вѣрными слугами. Симоновъ, по словамъ крестьянъ, вовсе не заботится о слѣдствіи, а только грозить, что если они не пойдутъ теперь на работы, то потомъ за cadaго работника должны будутъ прислать по 10 человекъ. Опасаясь, чтобы ихъ не принудили идти на заводы, они оставили свои дома и собрались въ Масленскій острогъ; вслѣдствіе этого они не успѣли допахать и досѣять хлѣбъ, мало наготовили сѣна, не запасли на зиму дровъ. «За гладомъ и скоту за безкормицею и за прочими тому подобными великонестерпимыми нуждами крайне пришли въ вѣщшее разореніе и нищету», и потому просили защитить ихъ «отъ такихъ наглыхъ обидностей и разореній отъ присылаемыхъ отъ предписаннаго Демидова ежечасныхъ многолудныхъ командъ». Шадринская канцелярія оставила это прошеніе безъ всякихъ послѣдствій, находя, что они сами во всемъ виноваты.

«Капитанъ Симоновъ собираетъ казаковъ», поговаривали крестьяне, «для высылки насъ на заводы, токмо мы живы въ руки не дадимся; ежели стануть по насъ стрѣлять, то мы, напротивъ того, также будемъ поступать: у насъ у самихъ много есть огненнаго ружья, копьевъ и дубинъ, и ужъ капитану живу отсель не уѣхать».

«Казаки намъ сказываютъ», говорили другіе, «что имъ по насъ стрѣлять не вѣдно».

«Оренбургская губернская канцелярія поступила съ нами не по указу ея величества отъ 16 августа 1760 г. о правосудіи», говорилъ крестьянинъ Якимъ Брюховъ, бывшій незадолго передъ тѣмъ въ Оренбургѣ челобитчикомъ отъ крестьянъ. «Мы отъ Демидова и приказчиковъ его крайне были изобижены и разорены, и просили отъ нихъ защиты, а губернская канцелярія, заковавъ насъ въ тяжелыя желѣза и надѣвъ на шею рога, отослала въ казенную работу; злодѣй же нашъ, отъ кого больше всѣхъ обиды и разоренія претерпѣли, приказчикъ Демидова Яковъ Широковъ, былъ тогда въ Оренбургѣ и только гулялъ».

На вопросъ, зачѣмъ они постоянно всѣ находятся въ Масленскомъ острогѣ, крестьяне отвѣчали:

«Слышали мы, что идутъ къ намъ команды для высылки на

заводы, въ Шадринскѣ готовятъ пушки, а демидовскіе приказчики подѣ видомъ денегъ привезли съ собою на насъ семь бочекъ желѣзъ (т.-е. оковъ)».

Крестьяне не только открыто заявляли, что ни за что не пойдутъ на работу, но даже разослали объ этомъ заявленія въ разныя правительственныя учрежденія. Они надѣялись такимъ образомъ снять съ себя отвѣтственность за кровопролитіе.

«Если станутъ насъ ловить и на заводы высылать сильно», говорилъ тотъ же крестьянинъ Брюховъ, «и произойдетъ съ обѣихъ сторонъ смертоубійство, такъ, чтобъ было о томъ напередки вѣдомо и намъ въ вину не причлось, послали мы объявленіе въ сибирскую губернскую, тюменскую и верхотурскую воеводскія канцеляріи, въ азовскій полкъ, въ Троицкую крѣпость и въ прочія судебныя мѣста, и въ Москву,—и не узнать, отколь стрѣла прилетитъ».

«Ежели будутъ по насъ стрѣлять, то капитану отъ насъ живу не уѣхать», говорили другіе, «и до того дойдемъ, что сами себя треть перерѣжемъ или сгоримъ, какъ раскольники Исетскаго дистрикта»¹⁾.

Въ это время съ сибирскихъ линій шелъ отрядъ донскихъ казаковъ въ 500 человекъ, подѣ начальствомъ полковника Дулимова. Онъ вовсе не долженъ былъ останавливаться въ селеніяхъ, гдѣ происходили волненія, но такъ какъ наступила весенняя распутица, и казакамъ нужно было гдѣ-нибудь переждать это время, то изъ Оренбурга пришелъ приказъ расположить ихъ постоемъ у масленскихъ и барневскихъ крестьянъ. Этимъ надѣялись вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе усмирить ихъ. Фуражъ на лошадей для этого войска приказано было собирать съ приписныхъ демидовскихъ крестьянъ.

Въ половинѣ марта въ Шадринскъ пріѣхалъ поручикъ Порѣцкій, присланный канцелярією главнаго правленія заводовъ, чтобы помочь Симонову производить слѣдствіе. Вскорѣ послѣ пріѣзда онъ отправился въ Масленскій острогъ. При его приближеніи большая толпа крестьянъ вышла на городовую стѣну; другіе спѣшили изъ окрестныхъ деревень, вооруженные разнымъ дубьемъ и дреколіемъ. Однако, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, Порѣцкаго впустили въ крѣпость. Онъ проѣхалъ къ мірской избѣ, куда за нимъ вошли выборные съ старостою и человекъ 50 мужиковъ, въ томъ числѣ наиболѣе дѣятельные изъ нихъ, Брюховъ и Сѣдинкинъ; остальные подошли къ окнамъ избы.

¹⁾ Всѣ слова крестьянъ взяты изъ подлиннаго дѣла.

Порѣцкій объявилъ, что ему вмѣстѣ съ капитаномъ Симоновымъ велѣно производить слѣдствіе и свести счеты между крестьянами и заводской конторой, но требовалъ, чтобы они прежде начали работать.

«Учините прежде слѣдствіе въ нашихъ обидахъ и рассчетъ въ работахъ, тогда будетъ другое разсужденіе», кричали стоящіе позади крестьяне.

«Что вы вздоръ говорите», крикнули на нихъ Брюховъ и писчикъ Авдюшевъ: «какъ до слѣдствія, такъ и послѣ мы у Демидова работать не хотимъ».

Порѣцкій, видя, по его выраженію, «прежнюю замерзѣлую упорчивость крестьянъ», уѣхалъ.

Въ концѣ марта полковникъ Дулимовъ съ донскими казаками прибылъ въ Масленскій острогъ и занялъ тамъ квартиры.

Вскорѣ послѣ того въ распоряженіе Симонова было прислано еще 45 человекъ драгунъ, которые и расположились въ селѣ Полевскомъ, лежащемъ близъ Масленскаго острога. Крестьяне спокойно приняли это извѣстіе, такъ какъ успѣли достать изъ Москвы какой-то указъ.

«Даль намъ нынѣ Богъ указъ», говорили они, «чтобъ въ заводскія работы не иди; теперь пускай идутъ хоть три полка, — не испугаемся».

Это былъ какой-нибудь указъ, вовсе не имѣвшій того значенія, какое ему придавали крестьяне; такъ, мы увидимъ ниже, что во многихъ мѣстахъ поводомъ къ волненію послужило то, что Петръ III запретилъ заводчикамъ покупать крестьянъ къ заводамъ.

Въ началѣ мая слѣдственная коммиссія получила указъ сената отъ 31-го марта 1761 г., въ которомъ сенатъ предписалъ оставить въ деревняхъ масленскихъ и барневскихъ крестьянъ 500 человекъ донскихъ казаковъ до тѣхъ поръ, пока волненіе не прекратится; кромѣ того, отправить туда изъ-подъ Оренбурга 200 солдатъ, а въ случаѣ надобности и болѣе, по усмотрѣнію оренбургскаго губернатора. Для изслѣдованія жалобъ крестьянъ оренбургская губернская канцелярія «должна отправить достойнаго и надежнаго штабъ-офицера, съ которымъ при слѣдствіи быть и капитану Симонову». Кромѣ того, сенатъ приказывалъ разузнать, нѣтъ ли крестьянамъ какихъ-либо обидъ и притѣсненій, и собрать объ этомъ письменныя свѣдѣнія за ихъ подписью. Синодъ разослалъ этотъ указъ по епархіямъ съ тѣмъ, чтобы священники читали его въ церквахъ.

Оренбургская губернская канцелярія поручила теперь производить слѣдствіе секундъ-маіору Сухотину, который немедленно и пріѣхалъ въ Шадринскъ. Такимъ образомъ слѣдственная коммиссія состояла теперь изъ Сухотина, Симонова и Порѣцкаго. Въ распоряженіи ея было всего 600 человекъ войска, да, кромѣ того, скоро было прислано 200 драгунъ азовскаго полка. Симоновъ поѣхалъ въ Масленскій острогъ объявить указъ сената. Выслушавъ его, крестьяне сказали:

«Для чего же въ указѣ не упомянуто, сколько Демидовъ нашихъ крестьянъ до смерти побилъ и какія намъ отъ него и отъ приказчиковъ были обиды; онъ объявлялъ только однѣ наши противности», — и по прежнему отказались идти на работу.

Сухотинъ послѣ того и самъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Симоновымъ въ Масленскій острогъ, уговаривалъ крестьянъ всѣхъ вмѣстѣ и поодиночѣ, читалъ имъ сенатскій указъ, но безъ всякаго успѣха. Тогда Сухотинъ приказалъ обнародовать указъ во всѣхъ масленскихъ и барневскихъ деревняхъ и взять отъ крестьянъ подписки въ томъ, что они его слышали. Но изъ этого ничего не вышло.

«Зачѣмъ вамъ по деревнямъ ѣздить», сказали крестьяне: «развѣ только насъ разорять. Какіе есть указы, отдайте въ конторѣ, а въ деревняхъ вамъ нечего дѣлать, только людей станете пугать. Мы эти указы слышали неоднократно, и все въ нихъ написано одно».

Въ некоторыхъ деревняхъ совсѣмъ не приняли указа. Однако въ это время уже стали являться поодиночѣ крестьяне, которые заявляли, что не отказываются повиноваться и готовы идти на работу; иные даже жаловались на насилія со стороны ослушанныхъ крестьянъ и просили о защитѣ. Коммиссія приказала крестьянамъ подать заявленіе о томъ, какъ ихъ притѣсняли приказчики; они тотчасъ исполнили это, и въ своемъ мѣстѣ мы познакомимся съ ихъ жалобами, а теперь будемъ продолжать нашъ рассказъ.

Оренбургская губернская канцелярія согласилась, наконецъ, на желаніе крестьянъ, чтобы слѣдствіе по ихъ жалобамъ производилось въ Масленскомъ острогѣ. При этомъ она приказала ввести въ крѣпость 200 солдатъ азовскаго полка, а также и 500 донцовъ, поставить при въѣздѣ и выѣздѣ карауль, учредить пикеты и т. п. Но ввести все войско въ острогъ, въ которомъ находилось только 23 дома, было совершенно невозможно; поэтому туда ввели 200 донскихъ казаковъ, а остальныхъ расположили по ближайшимъ деревнямъ. Крестьяне все-таки не уни-

мались, и ихъ настроеніе не позволяло ожидать ничего добраго.

«Рѣзать ихъ надѣ; пусть мы всѣ пропадемъ», кричали однажды крестьяне, завидя донскихъ казаковъ, ѣхавшихъ въ острогъ.

«Ты насъ учишь», сказалъ Симонову староста Бухваловъ въ отвѣтъ на его увѣщанія, «чтобы напередъ слѣдствія въ заводскія къ Демидову работы идти, да по твоему не сдѣлалось».

Скоро у крестьянъ начались столкновенія съ казаками изъ-за доставки имъ сѣна. Оренбургская канцелярія предписала, чтобы сѣно для казачьихъ лошадей покупали приказчики Демидова, а на покупку овса они должны были выдавать казакамъ деньги; если же крестьяне не будутъ продавать сѣна, то брать его насильно, выдавая имъ квитанціи. Однако у приказчиковъ Демидова не оказалось денегъ на покупку фуража, а крестьяне отвѣчали, что они давать его не хотятъ: вѣдь казаки поставлены по просьбѣ Демидова, отъ него они получаютъ провіантъ и жалованье, такъ и овесъ и сѣно должны требовать отъ него. Тогда полковнику Дулимову былъ посланъ приказъ, чтобы крестьяне поставили сѣна хоть на полъ-мѣсяца, въ противномъ случаѣ казаки должны сами брать его съ поля. При этомъ было приказано все взятое сѣно взвѣшивать и записывать въ особыя тетради, обозначая, кому оно принадлежало. Крестьяне на-отрѣзъ отказались и отъ этого. Когда партія донскихъ казаковъ въ 50 человекъ въ первый разъ поѣхала добывать себѣ фуражъ, за ними побѣжали и поскакали на лошадяхъ много вооруженныхъ крестьянъ.

«Мы васъ, какъ разбойниковъ и бунтовщиковъ, всѣхъ здѣсь на полѣ побьемъ!» — кричали они.

Когда казаки наложили сѣно на воза, крестьяне начали ихъ опрокидывать; казакъ задѣлъ одного крестьянина дротикомъ, другой грозилъ ему копьемъ; тогда этотъ крестьянинъ, схвативъ заряженную винтовку, два раза спустил курокъ, но оба раза выстрѣла не было. Между тѣмъ казакъ сшибъ его съ ногъ; на помощь къ товарищу подоспѣли другіе крестьяне, вооруженные дубинами; но казаки разогнали ихъ, а того, который хотѣлъ стрѣлять, поймали и представили въ комиссію. Въ другой схваткѣ, крестьяне сильно поколотили двухъ казаковъ.

Видя, что волненіе не прекращается, оренбургская губернская канцелярія приказала отправить въ Масленскій острогъ походную пушку со всѣми нужными снарядами и артиллерійскими служителями, и кромѣ того 24 гренадера; жалованье и провіантъ

они должны были получать отъ Демидова, какъ и остальные войска. 30 октября, въ Масленскій острогъ собрали все войско. Только небольшая часть крестьянъ подошла слушать указъ; другіе, несмотря на приказаніе, остались около мірской избы на конторскомъ дворѣ. Когда тѣмъ, которые приблизились, былъ вновь прочтенъ сенатскій указъ 31 марта, они закричали: «да это старый указъ! и мы по прежнему въ заводскую работу идти не хотимъ; да и сѣно должно ставить Демидову, а не намъ».

За этимъ, какъ всегда, началось увѣщаніе, во время котораго войско, съ заряженными ружьями, окружило крестьянъ. Для пущаго устрашенія тутъ была и пушка, заряженная, но безъ ядра. Такъ какъ увѣщаніе не подѣйствовало, велѣно было схватить нѣсколькихъ человѣкъ и сѣчь плетми. Крестьяне стали на колѣни.

«Хоть головы всѣмъ намъ рубите, а къ Демидову на работу не пойдемъ и сѣна на команду не дадимъ», — сказали они.

Затѣмъ они вскочили и хотѣли присоединиться къ остальнымъ своимъ товарищамъ, но солдаты не пропустили ихъ. На помощь къ нимъ бросились всѣ крестьяне съ оглоблями, вилами и насаженными на жерди косами, но и ихъ остановили казаки. Изъ 89 человѣкъ, слушавшихъ увѣщаніе, 25 принесли повинную и дали подписку, что не будутъ впредь ходить въ сборища ослушныхъ крестьянъ, не будутъ съ ними въ согласіи и пойдутъ на заводскую работу. Остальные 64 человѣка отказались послѣдовать ихъ примѣру. Инструкція, данная изъ губернской канцеляріи, предписывала въ этомъ случаѣ сѣчь ослушныхъ плетми, «покуда совершенную указамъ принесутъ повинность». Коммиссія въ своемъ донесеніи не упоминаетъ, прибѣгала ли она къ этой мѣрѣ, но крестьяне потомъ жаловались, что въ этотъ день многихъ изъ нихъ хватали на дорогахъ, били «оружейными свалинами», *стегали плетми* и брали подписки, что пойдутъ на работу. Какъ бы то ни было, 64 человѣка, не давшіе такихъ подписокъ, были отправлены подъ конвоемъ въ Шадринскую тюрьму. Всѣ остальные крестьяне засѣли на дворѣ мірской избы, гдѣ находились провіантскіе и соляные магазины. На другой день коммиссія послала священника уговаривать ихъ ставить сѣно.

«Сѣно давать не хотимъ, а пусть берутъ, какъ и прежде, сами собою», былъ отвѣтъ.

Черезъ нѣсколько дней масленскіе и барневскіе крестьяне подали въ коммиссію донесеніе, въ которомъ жаловались на побои и истязанія, которымъ они подверглись 30 октября; заявляли, что у нихъ уже забрали на фуражъ 15280 копенъ сѣна, увезли сажень 100 дровъ, порубили капустные огороды, тогда какъ

они не чинять никакихъ противностей и желаютъ только слѣдствія по поданной ими челобитной: «видно», писали они, «что приводите (насъ) во всеконечное разореніе и нищету». Между тѣмъ печальное положеніе крестьянъ должно было еще болѣе ухудшиться: къ нимъ было прислано еще двѣ роты азовскаго драгунскаго полка подѣ начальствомъ капитана Воронцова. Для ихъ лошадей на одинъ мѣсяцъ нужно было собрать до 2000 пудовъ сѣна. Крестьяне жаловались, что они не могутъ доставить его: «за разореніемъ у многихъ и копы не имѣется», писали они. Несмотря на то, что было велѣно «разобрать по самой сущей справедливости, они, майоръ Сухотинъ съ товарищи, Демидова покрываютъ, а о ихъ несносныхъ обидахъ не представляютъ... Непріятелей ихъ смертоубійцевъ на дому у себя держать, волю ихъ исполняютъ». Однако же для солдатъ азовскаго полка крестьяне привезли сѣно, а на казачьихъ лошадяхъ по прежнему не хотѣли возить, и казаки добывали его себѣ сами. Въ началѣ декабря былъ полученъ новый указъ изъ сената, въ которомъ строго предписывалось немедленно усмирить крестьянъ и выслать ихъ на заводы. Теперь все войско было стянуто въ Масленскій острогъ. Крестьяне, вооруженные бердышами, копьями, иногда пасаженными на шесты, топорами, пѣшными и кистенями, собрались въ трехъ мѣстахъ: одни засѣли въ конторскомъ замкѣ (дворъ мірской избы въ Масленскомъ острогѣ, окруженный заборомъ, провіантскими и соляными магазинами), другіе въ Барневской слободѣ, третьи въ селѣ Водениковѣ; сосѣднія деревни совершенно опустѣли. 8 декабря, казаки, пѣшіе и на коняхъ, собранные въ Масленскомъ острогѣ, пошли на приступъ къ замку. Крестьяне стали стрѣлять. У самаго забора произошла жаркая схватка: осажденные, стоя за заборомъ на подмосткахъ, такъ энергично отражали нападеніе, что многіе казаки были ранены и, наконецъ, принуждены были отступить. Тогда осаждающіе выстрѣлили изъ пушки по строенію; въ стѣнѣ образовался проломъ, но крестьяне не испугались и продолжали стрѣлять. Солдаты бросили въ замокъ нѣсколько гранатъ, но и это не подѣйствовало. Наконецъ, прапорщикъ азовскаго полка повелъ на приступъ своихъ драгунъ. Крестьяне храбро встрѣтили ихъ, но дружный залпъ солдатъ заставилъ ихъ очистить проломъ и обратиться въ бѣгство. Многіе изъ крестьянъ успѣли бѣжать, но все-таки около 300 человекъ было схвачено и отослано въ тюрьму въ Шадринскъ. Въ войскѣ правительства во время сраженія было ранено

52 человекъ; потеря же крестьянъ, изъ которыхъ многіе были ранены во время послѣдняго нападенія драгунъ, неизвѣстна. Крестьяне, собравшіеся въ селѣ Водениковѣ, узнавъ о неудачѣ товарищей, разбѣжались, а тѣ, что были въ Барневской слободѣ, заперлись въ церкви и не пустили къ себѣ присланнаго для ихъ увѣщанія прапорщика. Масленскіе и барневскіе крестьяне думали найти поддержку въ другихъ селеніяхъ, приписанныхъ къ тѣмъ же заводамъ Никиты Демидова. Одинъ масленскій крестьянинъ ѣздилъ въ Куяровскую, Юрмыцкую, Чубаровскую и Угечую слободы, рассказывалъ, что у нихъ былъ большой бой и просилъ помочь имъ, но жители этихъ слободъ отказали: они сами нуждались въ помощи, такъ какъ ежеминутно ожидали нападенія правительственнаго войска.

Пораженіе крестьянъ въ Масленскомъ острогѣ имѣло важныя послѣдствія: многіе изъ нихъ были захвачены, другіе сами являлись съ повинною. Однако правительство было все-таки недовольно дѣйствіями губернской канцеляріи: сенатъ находилъ, что она слишкомъ затянула дѣло, и что по ея винѣ крестьянамъ придется заплатить большія деньги, истраченныя на содержаніе войска.

Усмиренные крестьяне принуждены были вновь приняться за заводскія работы. Въ началѣ января 1762 г. на Каслинскій и Кыштымскій заводы, по требованію приказчика Демидова, отправлено 300 пѣшихъ и конныхъ рабочихъ подъ конвоемъ 60 казаковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія рѣшила перенести туда же и слѣдствіе; для этого крестьянамъ, оставшимся дома, было велѣно выбрать отъ себя повѣренныхъ. Крестьяне просили вывести отъ нихъ войско, такъ какъ у нихъ совершенно не оставалось сѣна ¹⁾. Чтобы поскорѣе избавиться отъ военного поста, они обязывались сами искать бѣглыхъ съ тѣмъ, что если они кого не найдутъ, за тѣхъ отработаютъ все, что слѣдуетъ. Хотя большинство масленскихъ и барневскихъ крестьянъ (вмѣстѣ съ окрестными деревнями) уже изъяснили покорность, но въ бѣгахъ оставалось еще болѣе 300 человекъ. Опасаясь, что волненіе вновь вспыхнетъ, и такъ какъ нуженъ былъ присмотръ за 300 колодниками, содержащимися въ шадринской тюрьмѣ, комиссія отпустила только 500 донцовъ, а регулярное войско и челябинскихъ казаковъ оставила до тѣхъ поръ, пока не будутъ высланы

¹⁾ Вотъ какое огромное количество сѣна забрали казаки во время своего поста: съ 16 октября, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, взято насильно 31,171 пудъ, а съ половины декабря по 1 февраля поставлено самими крестьянами 20,095 пудовъ, всего 51,266 пудовъ.

на заводы остальные рабочіе. Однако, крестьяне поработали на заводахъ не больше мѣсяца. Между ними распространился слухъ, будто всѣ они освобождены отъ заводскихъ работъ, что Сухотинъ и другіе слѣдователи, скованные, отосланы въ Москву и вся команда выведена изъ Масленскаго острога. Крестьяне бросили всѣ работы и бѣжали съ завода. Слухъ этотъ былъ, конечно, совершенно не вѣренъ. Коммиссія поспѣшила выслать вмѣсто нихъ другихъ крестьянъ; въ томъ числѣ было отправлено и большинство (275 ч.) арестованныхъ: въ шадринской тюрьмѣ осталось только 20 главныхъ зачинщиковъ. Къ началу марта было уже выслано работать на заводъ всего 981 ч., а приведено въ послушаніе 1,943 ч. Коммиссія отправилась теперь на Кыштымскій заводъ ¹⁾.

Между тѣмъ какъ крестьяне, приписанные къ заводамъ Никиты Демидова, послѣ долгаго сопротивленія, должны были, наконецъ, уступить, челобитчики, неизвѣстно когда отправленные ими въ Петербургъ, успѣли, наконецъ, довести свои жалобы до свѣдѣнія не только сената, но и самого императора Петра III. Масленскіе крестьяне просили защитить ихъ отъ Демидова, Сухотина и Симонова, отъ обидъ, разоренія и тиранскихъ нестерпимыхъ мученій, отъ высылки на заводскія работы; просили изслѣдовать объ убійствахъ и побояхъ и приписать вмѣсто нихъ другія слободы, которыя лежатъ ближе къ заводамъ, а между тѣмъ почему-то освобождены отъ обязательныхъ работъ; они просили также выдать заработанные ими деньги и освободить ихъ товарищей, содержащихся подъ карауломъ въ Шадринскѣ. Подобную же просьбу представили и повѣренные отъ Куяровской, Юрмыцкой и другихъ слободъ. Одновременно съ ними явились въ Петербургъ челобитчики отъ крестьянъ соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ, приписанныхъ къ заводамъ Чернышева, и крестьянъ казанской губерніи, работавшихъ на заводахъ Евдокима Демидова (о которыхъ мы будемъ говорить ниже). Сенатъ, вѣроятно по повелѣнію императора, рассмотрѣлъ всѣ эти жалобы, и указомъ 9 марта 1762 г. назначилъ слѣдователями по этому дѣлу генералъ-маіора Кокоткина и полковника Данилу Лопатина. Они должны были прежде всего рассмотреть, справед-

¹⁾ Въ томъ же юго-восточномъ углу нынѣшней пермской губ. лежали селенія, приписанныя къ заводамъ Турчанинова. Жители ихъ отказались работать на заводахъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ это сдѣлали масленскіе и барневскіе крестьяне. Они прогнали ничтожныя команды, присланныя противъ нихъ, и затѣмъ до самаго пріѣзда кн. Вяземскаго, т.-е. до 1763 г., не ходили на заводскія работы.

ливы ли жалобы масленскихъ крестьянъ на Сухотина и Симонова, а затѣмъ узнать болѣе обстоятельно, что за причина волненія между ними. Въ двухмѣсячный срокъ они должны были не только окончить слѣдствіе, но и собрать свѣдѣнія, въ какомъ состояніи находятся всѣ эти заводы, далеко ли отъ нихъ живутъ крестьяне, какъ ихъ высылаютъ на работы и какую плату они получаютъ, и о всемъ этомъ черезъ бергъ-коллегію сообщить въ сенатъ. «А доколь всѣ тѣ слѣдствія произведены будутъ, и въ правительствующемъ сенатѣ рѣшеніе востановится»,—сказано было далѣе въ указѣ,—до того времени вышеупомянутыхъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ отъ заводовъ не отписывать и военною рукою ихъ не усмирять и на работы усиленно и съ принужденія не посылать, а буде по началу того слѣдствія хотя мало что-либо приличное къ подозрѣнію окажется, въ такомъ случаѣ вышеписанныхъ обидимыхъ крестьянъ тѣмъ слѣдователямъ самимъ отъ тѣхъ заводовъ и отрушить». Все, что будетъ издержано на производство слѣдствія, сенатъ предписалъ по окончаніи его взыскать съ тѣхъ, кто окажется виновнымъ. Чтобы крестьянамъ при слѣдствіи не было сдѣлано какихъ-либо притѣсненій, на немъ долженъ былъ присутствовать депутатомъ членъ бергъ-коллегіи надворный совѣтникъ Шамшевъ. Такимъ образомъ, слѣдователямъ были даны весьма большія полномочія: если они найдутъ, что жалобы крестьянъ справедливы, они могли даже освободить крестьянъ отъ работъ на заводахъ. Кн. Вяземскій, посланный впоследствии Ека-териною усмирять крестьянъ, не получилъ права рѣшать этотъ вопросъ по своему усмотрѣнію.

По полученіи этого указа, Сухотинъ, Симоновъ и Порѣцкій, а также и слѣдователи въ Чубаровской, Юрмыцкой и другихъ слободахъ должны были прекратить свою дѣятельность. Въ первыхъ числахъ мая указъ этотъ былъ полученъ въ Оренбургъ, а въ половинѣ того же мѣсяца уже возвратились изъ Петербурга челобитчики отъ масленскихъ и барневскихъ крестьянъ и привезли копію съ него. Всѣ приписные крестьяне обратили вниманіе на то, что было предписано не высылать ихъ на работу до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончено слѣдствіе. Прочтя указъ, масленскіе и барневскіе крестьяне немедленно подали прошеніе объ освобожденіи изъ шадринской тюрьмы ихъ остальныхъ товарищей; эта просьба была исполнена.

Крестьяне, вѣроятно, начинали питать надежду, что они не подвергнутся наказанію за вооруженное сопротивленіе властямъ,

но со временемъ, уже при кн. Вяземскомъ, они тяжело за это заплатились. 18

Однако, не забывая далеко впередъ, мы должны теперь посмотреть, что дѣлалось въ 1760 — 1762 гг. у крестьянъ, приписанныхъ къ другимъ заводамъ. 19

Изъ юго-восточнаго угла нынѣшней пермской губерніи мы должны теперь перенестись въ нынѣшнюю казанскую губернію. Здѣсь волненія среди приписныхъ крестьянъ были замѣтны гораздо ранѣе, чѣмъ у масленскихъ и барневскихъ: уже въ 1755 году приписные къ Авзяно-Петровскому заводу Евд. Демидова и Вознесенскому заводу Сиверса отказывались работать и принуждены были къ этому только силою. 20

Авзяно-Петровскій заводъ, выстроенный П. И. Шуваловымъ и Козьмою Матвѣевымъ, лежалъ въ оренбургской губерніи на рѣкѣ Авзянѣ, внутри Башкиріи; крестьяне же, приписанные къ нему въ 1755 г., жили отъ него на разстояніи болѣе 600 верстъ, на границахъ нынѣшнихъ губерній вятской и казанской, а по тогдашнему раздѣленію Россіи — въ казанскомъ уѣздѣ, въ селеніяхъ, расположенныхъ а близъ впаденія рѣчки Вятки въ Каму, селѣ Котловѣ, деревнѣ Яжбухтиной, Балтеганъ и др. ¹⁾ Здѣсь и начались волненія, какъ видно, немедленно послѣ приписки крестьянъ. 21

Къ сожалѣнію, подробности объ этихъ первыхъ волненіяхъ намъ неизвѣстны. Мы знаемъ только, что крестьяне называли фальшивымъ присланный къ нимъ сенатскій указъ. Усмирены они были съ помощью войска. Бергъ-коллегія находила нужнымъ болѣе чѣмъ 30-ти крестьянамъ «учинить жесточайшее наказаніе: высѣчь плетью и вывести на вышеупомянутые желѣзные заводы съ ихъ семьями и быть имъ тамъ вѣчно и велѣть по состоянію ихъ винъ и чтобъ, на тое смотря, другіе чинить не дерзали до совершеннаго поправленія и порядочнаго въ житіи ихъ установленія употреблять ихъ безъ очереди въ самонужныя и тягчайшія заводскія работы». Изъ всѣхъ крестьянъ, принимавшихъ участіе въ волненіи, бергъ-коллегія предлагала сорокового человѣка по жребію публично высѣчь плетью въ ихъ селеніяхъ въ присутствіи остальныхъ крестьянъ. Переселеніе въ видѣ наказанія на заводъ было едва ли легче ссылки въ каторжную работу. Постоянная, безсмысленная работа на Авзяно-Петровскомъ заводѣ была ничѣмъ нелучше работы въ крѣпостяхъ или рудникахъ; правда, крестьяне были не-

¹⁾ Всего было приписано 33 селенія ясашныхъ крестьянъ, въ нихъ 480 дворовъ, а „считая на дворъ по 4 души“, будетъ 1,920 человекъ.

реселены на заводъ вмѣстѣ съ семьями и, слѣдовательно, не разлучались съ женами и дѣтьми, но за то положеніе этихъ семей значительно ухудшалось: съ переселеніемъ на заводъ изъ приписныхъ крестьянъ, лишь на время приходящихъ на работы, они превращались въ постоянныхъ заводскихъ мастеровыхъ и служителей. Правда, для гр. П. И. Шувалова, владѣльца Авзяно-Петровскаго завода, переселеніе виновныхъ крестьянъ на заводъ было гораздо выгоднѣе, чѣмъ ссылка ихъ въ Рогервикъ, и мы, дѣйствительно, знаемъ, что онъ желалъ этого переселенія. Очень можетъ быть, что подъ его влияніемъ и состоялось рѣшеніе сената, который утвердилъ предложеніе бергъ-коллегіи; при этомъ только сенатъ предписалъ еще, чтобы три главные зачинщика работали въ оковахъ.

Для исполненія приговора сената казанская губернская канцелярія послала въ 1756 г. маіора Стригина. Онъ такъ усердно исполнилъ данное ему порученіе, что одинъ изъ наказанныхъ имъ крестьянъ, при переселеніи на заводъ, на дорогѣ умеръ, и именно, по словамъ крестьянъ, отъ суроваго наказанія.

Въ 1758 г. крестьяне вновь волновались, и тогда имъ удалось добиться важной уступки: до этого времени половина приписныхъ крестьянъ съ разу высылалась на работу, а съ этихъ поръ стали высылать только третью часть.

Въ августѣ 1760 г. Матвѣевъ продалъ Авзяно-Петровскіе желѣзные заводы Евдокиму Демидову. Приписные крестьяне должны были остаться въ прежнемъ положеніи. Однако переходъ заводовъ къ новому владѣльцу совершился не вполне мирно: началось новое замѣшательство не только среди крестьянъ, но даже у заводскихъ мастеровыхъ. Они перестали жечь угли на куреняхъ, молотовые мастера самовольно оставили работы на фабрикахъ. По словамъ управляющаго заводомъ Кулаеева, крестьяне, «между собою собираясь партіями, днемъ и по ночамъ ходятъ и чинятъ необыкновенные крики и азарты, (такъ) что и по заводу для смотрѣнія ходить опасно». Нѣкоторые уже и бѣжали съ заводовъ. На этотъ разъ поводъ къ волненію подали сами приказчики Козьмы Матвѣева, которые говорили имъ: «Проданы Демидову отъ Матвѣева заводы только съ его собственными, а не съ приписными крестьянами. Ясашные крестьяне люди государевы, а приписаны были для одной только выстройки и имѣютъ вольность быть при томъ заводѣ или идти въ дома свои, а коли останутся при заводѣ въ работѣ, то и вѣчно будутъ за Демидовымъ».

Съ завода бѣжали не только приписные крестьяне, на время

пришедшіе на работу, но и переселенные на заводъ, оставивъ пока женъ и дѣтей; заводскіе мастеровые также прекратили работу, и молотовыя, якорная и другія фабрики, кромѣ доменнаго горна, стояли пустыми.

Впрочемъ, всѣ эти подстрекательства приказчиковъ Матвѣева послужили только поводомъ къ началу новаго волненія, которое разыгралось бы и безъ нихъ; очевидно, движеніе, начавшееся среди крестьянъ въ 1755 г. и вновь обнаружившееся въ 1758—59 году, окончательно не замирало: искра постоянно тлѣла подъ пепломъ. Это видно изъ того, что въ то самое время, какъ приказчики Демидова пріѣхали на Авзяно-Петровскій заводъ, т.-е. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ уже находился крестьянинъ Антонъ Ажмяковъ, посланный крестьянами, приписанными къ этому заводу, чтобъ просить въ сенатѣ объ увольненіи отъ заводскихъ работъ. Здѣсь онъ купилъ печатный указъ, изданный 12 октября 1760 г., о прибавкѣ на ясадныхъ крестьянъ подушныхъ денегъ по 60 к., въ которомъ было сказано, что болѣе никакихъ безъ указа доходовъ, подводъ и работъ съ нихъ не должно требовать и собирать, и, заручившись имъ, поспѣшилъ въ свое родное село Котловку. Здѣсь при собраніи мѣстныхъ крестьянъ и жителей другихъ селеній указъ былъ прочитанъ. Порѣшили, что если нельзя требовать безъ указа никакихъ доходовъ и работъ, то это значить, что не должно имъ ходить на заводы.

Крестьяне, переселенные на заводъ, и бѣжавшіе оттуда, тѣ, которые оставили тамъ своихъ женъ и дѣтей, отправились теперь за ними. Крестьяне толпою болѣе 100 человекъ ходили по заводу съ луками, стрѣлами и дубинами, и принуждали уѣзжать и тѣхъ, которые на это не соглашались.

Кончилось тѣмъ, что крестьяне съ женами и дѣтьми уѣхали съ завода.

Усмирять крестьянъ былъ отправленъ подполковникъ Левашевъ. Онъ прочелъ имъ сенатскій указъ, но, несмотря на его увѣщанія, они указа не приняли и на работу не пошли. Замѣтивъ 9 человекъ главныхъ зачинщиковъ, онъ приказалъ схватить ихъ кошками, а потомъ, заковавъ въ кандалы и наложивъ цѣпи на шею, отправилъ ихъ въ казанскую губернскую канцелярію. Благодаря такимъ мѣрамъ, Левашевъ быстро усмирить волненіе. Арестованные были допрошены въ Казани, а потомъ отосланы назадъ въ село Котловку; тамъ ихъ сдали на руки заводскому управителю Кулалееву съ тѣмъ, чтобы онъ держалъ ихъ подъ карауломъ до пріѣзда туда слѣдователя, а потомъ они были освобождены на поруки, но одинъ изъ нихъ черезъ четыре дня

послѣ того умеръ; по словамъ крестьянъ, онъ заболѣлъ отъ нещаднаго наказанія кошками.

Въ августѣ Левашевъ отправилъ крестьянъ на поселеніе на заводъ съ прапорщикомъ Юшковымъ. По показанію Кулалева, это были переведенные прежними владѣльцами завода на основаніи 12 пункта бергъ-регламента, а также переведенные Кулалевымъ, по приказу Козьмы Матвѣева, бѣжавшіе съ завода; всего 245 семей. Отправляемые крестьяне были собраны въ деревню Новую Мазину; тутъ они потребовали, чтобъ Юшковъ показалъ имъ указъ, по которому ихъ переселяютъ; но онъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ ничего, кромѣ данной ему инструкціи. Тогда они отказались идти дальше. Юшковъ немедленно далъ знать Левашеву, и тотъ прислалъ еще солдатъ подъ начальствомъ капитана Нимша. Но такъ какъ у него также не было никакого указа, то крестьяне продолжали сопротивляться.

«Мы взять себя не дадимся безъ имянного Ея Величества указа»,—сказалъ выборный Красновъ.

Тогда Нимшъ съ Юшковымъ принялись за экзекуцію: 60 человѣкъ было высѣчено батогами, одинъ изъ наказанныхъ тотчасъ умеръ и былъ зарытъ тутъ же безъ всякаго отпѣванія. Послѣ того крестьяне безпрекословно двинулись въ путь, «оставивъ», по ихъ словамъ, «дома и скотъ и посѣянный хлѣбъ въ полѣ безъ прибору».

Но крестьяне все-таки не успокоились, и лѣтомъ 1761 года послали въ Петербургъ челобитчиками Аѳанасія Гулящева и еще 6 человѣкъ. Они просили защитить ихъ, не допустить до разоренія, изслѣдовать смертоубійства, притѣсненія и ежегодныя переселенія на заводъ, чинимыя Кулалевымъ, и освободить ихъ отъ заводскихъ работъ. Эта челобитная была также одною изъ причинъ назначенія комиссіи Кокошкина и Лопатина.

Челобитчики получали вѣсти съ родины: въ сентябрѣ крестьяне, содержавшіеся подъ карауломъ въ Казани, писали имъ, что «о дѣлѣ ихъ никакого резону нѣтъ, только въ великомъ разсужденіи состоитъ, и ожидаютъ себѣ милостивую резолюцію». Въ свою очередь, челобитчики въ январѣ 1762 г. съ однимъ отставнымъ солдатомъ, возвращавшимся на родину, послали своимъ землякамъ два письма. Въ одномъ изъ нихъ они писали: «въ село Котловку мірскимъ людямъ, старостѣ и выборному, и въ прочія села и деревни. Съ этимъ вамъ пишемъ, что по дѣлу нашему опредѣленіе сдѣлано, что насъ отъ заводу отрѣшили по приказу его императорскаго величества, и вы объ ономъ молитесь всецѣдному Богу, а насъ ожидайте быть вскорѣ со всякимъ

благополучіємъ, понеже наше дѣло рѣшено; токмо ожидаемъ милостиваго указу». Извѣстіе объ отрѣшеніи отъ завода было невѣрно; вѣроятно челобитчики сами были введены къ-нибудь въ заблужденіе. Пока отставной солдатъ добрался до своего села, пока земляки челобитчиковъ пріѣхали къ нему за письмомъ, — прошло не мало времени. Въ это время челобитчики успѣли написать новое посланіе. Мы останавливаемся на этой перепискѣ, такъ какъ подобные документы у насъ совершенно неизвѣстны, между тѣмъ какъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ крестьяне письменно подавали другъ другу вѣсть. Только съ открытіемъ такихъ документовъ намъ становятся понятными многіе поступки крестьянъ: они ничего не дѣлають зря, стараются всегда дѣйствовать на законномъ основаніи, заручившись необходимыми свѣдѣніями. Виноваты ли они, если умышленно или неумышленно ихъ вводили въ заблужденіе? Вотъ это новое письмо. «Во извѣстіе вамъ я, повѣренный вашъ Аонасій Гулящевъ съ товарищи, объявляемъ: по поданному отъ меня прошенію о небытіи подъ заводами намъ, государственнымъ крестьянамъ, въ правительствующемъ сенатѣ учинено, чтобъ насъ всѣхъ приписныхъ отъ заводовъ вовсе вѣлно отрѣшати и въ заводскія работы впредь бы не употреблять, объ разореніи нашемъ во всемъ нагрѣпко слѣдовать, на что нарочно (вѣроятно: нарочный) присланъ будетъ. И просимъ васъ всѣхъ мірскихъ людей, ежели будетъ до пріѣзду нашего слѣдовальщикъ, то-бъ вамъ разоренія наши и изнеможенія и обиды отъ заводчиковъ, какія учинено прежде всего было, прописавъ порознь, именно показывать безъ опасенія. А которые высланы на заводъ въ работу или со всѣми семьями переселены, и оныхъ бы вамъ, пославъ отъ себя нарочнаго, искуснымъ образомъ, не чиня имъ заводскимъ никакихъ обидъ и шалостей, всѣхъ возвращать въ дома ихъ, а заработанныхъ денегъ за ними не оставлять; а если заводчики не отпустятъ, то на нихъ не смотрѣть... А нынѣ казанская губернская канцелярія въ правительствующій сенатъ рапортомъ объявляетъ, якобъ изъ нашихъ братьевъ изъ приписныхъ нѣкоторые люди нѣсколько дворовъ и подписали волею своею подъ заводъ вѣчно быть въ работѣ, итого 27 человекъ, которые, подписавшись, при командѣ и указы приняли. И такихъ людей въ силу указовъ вѣлно отсылать въ государственные чернышскіе заводы въ вѣчное услуженіе. И просимъ васъ оныхъ людей, которые подписались своею волею быть подъ заводами, то-бъ, собравшись вамъ, взять у нихъ письменное обязательство, и послѣ того отослать ихъ для переселенія

въ казанскую губернскую канцелярію, О чего ради они сперва обманывали насъ, а нынѣ обманываютъ губернскую канцелярію, отчего намъ приключились отъ нихъ великія разоренія и губительства». Такимъ образомъ, челобитчики извѣщали, что будто бы тѣхъ, которые согласятся работать на заводахъ, велѣно отсылать въ каторжную работу въ Нерчинскъ. Нечего и говорить о томъ, что подобнаго распоряженія никогда не было.

Письма, присланныя изъ Петербурга, подѣйствовали на крестьянъ: въ маѣ мѣсяцѣ должны были отправиться на заводъ 150 конныхъ рабочихъ, но они не поѣхали на томъ основаніи, что по сенатскому указу 9 марта 1762 г. «усильно» на работы посылать не велѣно. Скоро началось волненіе и на самомъ заводѣ. Въ половинѣ іюня, какъ присланные на заводъ вмѣсто ссылки, такъ и переселенные туда, а также и пришедшіе на время приписные прекратили почти всѣ работы. Вслѣдъ затѣмъ крестьяне стали и совсѣмъ разбѣжаться съ завода, такъ что до сентября уѣхало болѣе половины поселенныхъ крестьянъ, а партичные (т.-е. приходившіе отработывать подушный окладъ) рѣшительно всѣ. Заводская контора донесла объ этомъ въ комиссію Лопатина и Шамшева. Розыскали выборныхъ крестьянъ, которые были поселены на заводѣ; комиссія уговаривала ихъ не оставлять до новаго указа хоть самыя важныя работы, но они отказались. Получивъ объ этомъ донесеніе, абергъ-коллегія приказала только опанчивать слѣдствіе.

Мы видимъ, что волненія крестьянъ приписныхъ къ Авзяно-Петровскому заводу продолжались почти непрерывно съ 1756 по 1763 г. Это объясняется тяжестью заводскихъ работъ, тѣмъ, что эти крестьяне жили далѣе всѣхъ другихъ отъ заводовъ, такъ что имъ нужно было проходить до 700 верстъ въ одинъ конецъ, и, кромѣ того, жестокостію и самоуправствомъ заводскаго начальства, о чемъ мы будемъ подробно говорить ниже.

Постоянныя волненія среди этихъ крестьянъ не могли не отозваться и на ихъ сосѣдяхъ. Начались безпорядки и между крестьянами, приписанными къ Вознесенскому заводу Сиверса и Камскимъ заводамъ Шувалова, которые жили въ этой же мѣстности.

Самое характерное явленіе въ волненіи на Вознесенскомъ заводѣ (въ 100 верстахъ отъ Авзяно-Петровскаго) было то, что когда человѣкъ 200, прикрѣпивъ къ шестамъ ножи и копыя, бѣжали съ завода, заводская контора дала знать въ башкирскія деревни. Башкирцы были очень рады случаю пограбить крестьянъ, подъ видомъ ихъ усмиренія; они выѣхали также большою

толпой, человекъ въ 200. У всѣхъ, кто имъ попадался изъ бѣглецовъ, они отбирали всю одежду и сбрую. Нѣкоторые изъ крестьянъ жаловались впослѣдствіи, что башкирцы, ихъ «обравши, нагихъ связали и привязали къ оглоблѣ и били до самаго завода верховыми плетьюми»... Такимъ образомъ крестьяне были возвращены на заводъ и теперь ни за что не хотѣли тамъ оставаться; чтобы ихъ вновь не задержали, они прибѣгли уже къ другому средству: стали разбѣгаться съ работъ небольшими партіями. Въ то же самое время въ тѣхъ деревняхъ казанскаго уѣзда, гдѣ жили эти крестьяне, также началось волненіе. Поводомъ къ тому послужилъ указъ Петра III, 27 февраля 1762 г., о запрещеніи фабрикантамъ и заводчикамъ покупать къ заводамъ деревни.

Что касается Камскихъ заводовъ (Воткинскій и Ижевскій), то они были основаны Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Приписные крестьяне по указу 12 февраля 1761 г. были утверждены за этими заводами «неотъемлемо», и даже Шувалову было разрѣшено по своему усмотрѣнію переселять ихъ на заводы. Такихъ привилегій не имѣлъ ни одинъ заводчикъ, получившій возможность пользоваться трудомъ приписныхъ крестьянъ. Самый этотъ указъ если не вызвалъ, то по всей вѣроятности увеличилъ волненіе среди шуваловскихъ крестьянъ, а главнымъ поводомъ къ нимъ послужилъ указъ 1761 г., которымъ къ подушному окладу прибавлялось еще по 60 к. на душу. Въ этомъ указѣ крестьянъ особенно смутили слова: «ясашнымъ крестьянамъ обидѣ и налогъ не чинить». Они поняли это такъ, что этимъ самымъ имъ дозволяютъ не ходить на работы. Сенатъ, узнавъ объ этомъ новомъ волненіи, приказалъ отправить къ нимъ изъ ревельскаго драгунскаго полка 300 человекъ съ пушею. Туда же долженъ былъ явиться съ 200 драгунъ полковникъ Левашевъ, который только-что умиривъ крестьянъ, приписанныхъ къ Авзяно-Петровскому заводу. Относительно другихъ крестьянъ всегда предписывалось по усмирении приступить къ изслѣдованію ихъ жалобъ, но такъ какъ приписные къ Камскимъ заводамъ были отданы на полную волю Шувалова, то разсмотрѣніе ихъ жалобъ не было поручено правительственной комиссіи. «Буде же, паче чаянія», сказано было въ указѣ 25 августа 1761 г., «тѣ крестьяне будутъ иногда приносить на приказчиковъ его, господина сенатора и кавалера, какія-либо жалобы или неудовольствія, то въ такомъ случаѣ имъ объявить, чтобы они о причиненной имъ обидѣ съ яснымъ изъясненіемъ, въ чемъ и отъ кого именно та обида и когда имъ учинена, то все на письмѣ объявили ему, господину сенатору и кавалеру, который по разсмотрѣнію

справедливымъ удовольствіемъ ихъ не оставитъ». Изъ этого видно, въ какое привилегированное положеніе сумѣли поставить себя при Елисаветѣ всемогущіе Шуваловы: не только графу Петру Ивановичу и его наслѣдникамъ дано было право, по своему усмотрѣнію, переселять на заводъ государственныхъ крестьянъ, но даже эти крестьяне не могутъ найти суда на злоупотребленія его приказчиковъ нигдѣ, кромѣ его самого. Такимъ образомъ, сохраняя названіе приписныхъ, т.е. государственныхъ, они на дѣлѣ становились на одинъ уровень съ крѣпостными.

Получивъ этотъ указъ въ началѣ сентября 1761 г., губернская канцелярія немедленно сообщила его полковнику Левашеву. Вмѣстѣ съ тѣмъ она отправила къ нему военный отрядъ съ пушкою, но въ то же время предписала ему удерживаться отъ всякаго кровопролитія до прибытія одного изъ ея членовъ. Непріятная обязанность усмирять крестьянъ была возложена на губернаторскаго товарища Кудрявцева. Крестьянъ вооруженныхъ, какъ и всегда, ружьями, луками, стрѣлами, копьями, косами и бердышами, собралось около 600 человекъ. Кудрявцевъ въ присутствіи духовенства убѣждалъ крестьянъ прекратить непослушаніе, а когда слова не подѣйствовали, онъ приказалъ Левашеву двинуть противъ нихъ войско. Крестьяне защищались и стрѣляли изъ луковъ, но, конечно, съ такимъ первобытнымъ оружіемъ не могли устоять противъ ружей и пушекъ; они были разсѣяны и пустились въ лѣсъ въ разныя стороны. Хотя за ними была тотчасъ послана погоня, однако пойманы были весьма немногіе, такъ какъ рѣчка и топкое мѣсто помѣшали преслѣдованію. Во время этого сраженія было убито 16 человекъ крестьянъ, ранено 5, поймано до 40. Въ командѣ Левашева были ранены 1 капитанъ и 3 рядовыхъ. Драгунъ ввели въ село и расположили на постой.

Въ концѣ октября, съ своимъ войскомъ и большою толпою, человекъ въ 700, понятыхъ (тутъ были архіерейскіе и монастырскіе крестьяне, татары, вотяки и наконецъ 4 священника и нѣсколько причетниковъ), Левашевъ подошелъ къ деревнѣ Нижней-Тоймѣ. До крестьянъ, конечно, уже дошло извѣстіе о только что описанномъ побоищѣ, и потому они, не вступая ни въ какіе переговоры, стали стрѣлять изъ ружей и луковъ, прячась сами за оградою и скирдами хлѣба. Но и они также не могли устоять противъ регулярнаго войска и были разогнаны. При этомъ было убито 12 и ранено 4 крестьянина; драгуны поймали въ лѣсу до 50 человекъ. Изъ солдатъ ранено шестеро.

Къ марту 1762 г., всѣ крестьяне, приписные къ Камскимъ

заводамъ, были усмирены, приняли сенатскіе указы и уже пошли на работу. Левашеву было приказано отпустить свою команду въ полкъ, а самому явиться въ губернскую канцелярію. Постоявъ войска въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сопровождался, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, страшными притѣсненіями. Крестьяне, прежде чѣмъ вновь рѣшиться на открытое сопротивление, обращались къ разнымъ лицамъ и между прочимъ къ своимъ священникамъ, дьяконамъ и причетникамъ. Духовенство на этотъ разъ, какъ весьма часто и впослѣдствіи, во время пугачевщины, держало руку крестьянъ; его собственное положеніе было слишкомъ незavidно, его умственный уровень, при плохомъ обученіи въ духовныхъ училищахъ, былъ едва ли многимъ выше развитія крестьянъ. Поэтому, если крестьяне чуть не каждый указъ объясняли въ свою пользу, то не лучше толковало ихъ и духовенство, и частью искренно, а иногда и вслѣдствіе экономической зависимости отъ крестьянъ, поддерживало въ нихъ желаніе сопротивляться властямъ. Но въ народныхъ волненіяхъ второй половины XVIII вѣка мы нерѣдко встрѣчаемся съ личностями сознательно эксплуатирующими крестьянъ: они изъ корыстныхъ расчетовъ обѣщаютъ имъ свою помощь и содѣйствіе, или объясняютъ указы такъ, какъ этого хочется крестьянамъ. И на этотъ разъ крестьяне села Тоймы, прежде чѣмъ рѣшились на вооруженное сопротивление, обратились за совѣтомъ къ помѣщику казанскаго уѣзда Озерову, хотя уже и слышали отъ одного священника, что работать на заводахъ не нужно. Прочтя указъ о прибавкѣ подушныхъ денегъ, Озеровъ сказалъ имъ, что они должны сами платить подати, а не зарабатывать ихъ на заводахъ. Крестьяне собрали и повезли деньги въ городъ, но тамъ денегъ не приняли, такъ какъ онѣ были внесены уже заводскою конторою. Тогда по совѣту Озерова они выбрали двухъ крестьянъ, чтобъ послать ихъ съ челобитною въ Петербургъ, собрали имъ съ міру по 10 к. съ души (всего 178 руб.) и приказали дать Озерову въ подарокъ, если онъ будетъ имъ помогать, 200 руб. Будучи у Озерова, челобитчики въ благодарность «за обнадеживаніе» дали ему 50 руб., да еще въ Казани выдали вексель въ 150 руб. Заполучивъ все, что ему было нужно, Озеровъ сталъ сдерживать рвеніе крестьянъ, совѣтовалъ подождать отправлять въ Петербургъ челобитчиковъ, обѣщалъ бѣжать съ ними самъ. «Если вы до зимы отправитесь въ Петербургъ», говорилъ онъ, «то безъ меня тамъ къ благополучію слѣду никакого не найдете». Если же его подождутъ, то онъ обѣщалъ отвезти ихъ къ гр. Ш. И. Шувалову и просить его о прибавкѣ имъ платы,

а если тотъ на это не согласится, то объѣзжалъ представить ихъ самому императору Петру III. Однако челобитчики были все-таки отправлены.

Тотчасъ послѣ того, какъ удалено было войско изъ деревень, приписанныхъ къ Камскимъ заводамъ, волненіе вновь начинается. Крестьяне бѣжали съ завода; снова заводились села: Костенеево, Тавели (нынѣшней казанской губ.), Боровецкое (нынѣшней оренбургской губерніи, близъ границы съ вятскою) и Шильна. Въ началѣ іюля крестьяне села Нижней-Тоймы пришли въ село Суши, принадлежавшее къ той же Тойменской сотнѣ и, согласившись съ жителями этого села, выбрали себѣ сотникомъ крестьянина Портнова, который занималъ эту должность и во время прежняго волненія. Этотъ выборъ вызвалъ протестъ со стороны болѣе мирной партіи; дѣло дошло до того, что одинъ выборный и съ нимъ 5 человѣкъ были убиты, а 4 человѣка ранены, за то, что хотѣли идти на работу. Потомъ и еще одинъ крестьянинъ былъ убитъ по дорогѣ на заводы. Въ то же время волновались Сивинская ¹⁾, а также Верховская, Рождественская и Даниловская волости. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ тутъ явился пономарь дворцоваго села Сарапула, который, разъѣзжая по деревнямъ, разглашалъ, что по вновь вышедшему указу «крестьянамъ нигдѣ и ни у кого подъ заводами не быть», и что будто бы даже запрещено ходить на работу, а кто пойдетъ, тѣхъ велѣно бить внудомъ и ссылатъ на каторгу.

И дѣйствительно, въ это время по рукамъ у крестьянъ сталъ ходить манифестъ отъ 7 іюля 1762 г.; въ немъ упоминалось прежде всего о восшествіи на престолъ императрицы, а потомъ сказано: «которые въ прежнихъ годахъ отданы были во владѣніе собственные Е. И. В. крестьяне, архіереямъ и по разнымъ монастырямъ, и которые подписаны подъ заводы къ разнымъ компанѣйщикамъ для заводскихъ работъ, таковымъ отнюдь въ оныхъ заводахъ не работать, и отъ тѣхъ заводовъ отмѣнить, какъ Осюкина, такъ Демидова и Петра Шувалова, и быть по прежнему ясачнымъ». Хотя въ концѣ этого рукописнаго манифеста и было означено, что подлинникъ подписанъ самою императрицею, однако этотъ указъ оказался подложнымъ и скоро нашли его составителя: это былъ дьячокъ села Красной-Горки, Свіяжскаго Богородскаго монастыря, Иванъ Козьминъ. Козьминъ сознался, что онъ сочинилъ манифестъ, сидя подъ карауломъ въ казанской духовной консисторіи вмѣстѣ съ приписнымъ къ заводамъ Шува-

¹⁾ На рѣкѣ Сивѣ, впадающей въ нынѣшней вятской губерніи въ рѣку Каму.

дова крестьяниномъ Куликовымъ. Приписные крестьяне съ этимъ подложнымъ манифестомъ ѣздили по деревнямъ, уговаривали не работать на заводахъ, брали въ этомъ подписки, а несогласныхъ съ ними били «смертными поби», разоряли и выгоняли изъ жилищъ. Дѣло доходило и до убійства. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого междоусобія.

Двое мальчиковъ, одинъ изъ новокрещенныхъ вотяковъ, другой приписной къ заводамъ Сивинской волости (16-ти и 14-ти лѣтъ), ѣздили по деревнямъ, чтобы разглашать только-что приведенный манифестъ. Съ этою цѣлью они пріѣхали въ деревню Ольховку и прочли его при всемъ сходѣ. Одинъ изъ крестьянъ этой деревни, Абакумовъ, не хотѣлъ идти на сходъ и заперся въ своей избѣ. Крестьяне стали ломиться къ нему, наконецъ трое взлѣзли на крышу и разобрали ее до потолка. Одинъ изъ нихъ сталъ уже рубить потолокъ, но въ это время Абакумовъ выстрѣломъ изъ ружья убилъ его на повалъ. Крестьяне зажгли принесенную къ избѣ солому, заставили такимъ образомъ Абакумова выдти, потащили его къ старостѣ и тотчасъ высѣкли плетью. Въ свою очередь мальчики, развозившіе манифестъ, попались въ руки приказчиковъ Шувалова, были отосланы въ Казань и тамъ нещадно наказаны. Когда посланные отъ губернской канцеляріи убѣждали крестьянъ не вѣрить фальшивому манифесту и выдать его распространителей, они хватали этихъ посланцевъ, держали ихъ подъ карауломъ, называли данную имъ инструкцію воровскою и наконецъ выгоняли изъ своихъ деревень.

Казанская губернская канцелярія была въ крайне затруднительномъ положеніи: въ ея распоряженіи находился одинъ только свѣяжскій полкъ, да и тотъ былъ постоянно въ разныхъ командировкахъ.

Между тѣмъ крестьяне, приписанные къ заводамъ Шувалова, продолжали волноваться. У нихъ по прежнему шла борьба между двумя партіями: мирною и стоящею за сопротивленіе. Толпы послѣдней партіи, иногда человекъ въ 300, шли къ той деревнѣ, жители которой готовы были отправиться на работу, оцѣпляли кругомъ всю деревню и не выпускали изъ нея никого.

Мы не имѣемъ, конечно, возможности рассказывать здѣсь подробно подобныя же движенія среди крестьянъ, приписанныхъ къ другимъ заводамъ: это было бы слишкомъ утомительно для читателей, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ этихъ народныхъ движеніяхъ, при нѣкоторыхъ оригинальныхъ особенностяхъ, есть очень много общаго. Поэтому назовемъ только тѣ заводы, среди крестьянъ которыхъ происходили волненія.

Еще въ 1760 г. не захотѣли работать на заводахъ крестьяне соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ, приписанные къ Анненскому заводу гр. И. Г. Чернышева, а также къ Петровпавловскому и Туринскому заводамъ Походяшина. Въ 1762 г. начались беспорядки среди многихъ другихъ приписныхъ крестьянъ, а именно приписанныхъ къ заводамъ канцлера гр. Мих. Илар. Воронцова, Ив. Григ. Чернышева, Александра Демидова съ братьями, Петра Осокина, Ив. Осокина. Всѣ эти крестьяне жили въ кунгурскомъ уѣздѣ пермской губерніи. Поводъ къ волненію подавъ кунгурскій воевода Кушниковъ. Онъ сказалъ одному крестьянину, что у него есть указъ, въ которомъ велѣно приписныхъ крестьянъ отрѣшить отъ заводовъ, но соглашался объявить его лишь въ томъ случаѣ, когда дадутъ ему 500 руб. Услышавъ объ этомъ, крестьяне собрались черезъ недѣлю въ городъ и объявили, что они согласны заплатить ему. Кушниковъ, вѣроятно надѣявшійся въ тихомолку сорвать взятку, испугался произведеннаго имъ волненія и сталъ говорить, что такого указа у него нѣтъ. Крестьяне разѣхались по домамъ, убѣжденные, что заводчики упростили или подкупили воеводу не объявлять указа, и потому отправили своихъ челобитчиковъ въ Москву, а до возвращенія ихъ перестали ходить на работу.

Лѣтомъ 1762 г. начались волненія среди крестьянъ Невьянской слободы, приписанной къ Алапаевскому заводу отставнаго майора гвардіи Гурьева. Отсюда волненіе перешло и на Нижнетагильскіе заводы; мы замѣчаемъ его какъ въ селѣ Покровскомъ (въ нынѣш. пермской губ. притскаго уѣзда), отданномъ къ заводу Демидова еще Петромъ Великимъ, такъ и на самомъ заводѣ среди мастеровыхъ и «работныхъ людей». Въ сентябрѣ 1762 г. бѣжали съ Ревдинскаго завода братьевъ Демидовыхъ приписные крестьяне Аятской слободы (въ нынѣш. екатеринбургскомъ уѣздѣ). Изъ инструкціи Вяземскому мы знаемъ, что были еще волненія на заводахъ гр. Ягужинскаго, по крайней мѣрѣ отсюда была подана жалоба на непослушаніе крестьянъ. Отъ Нижнетагильскихъ заводовъ Демидова рукой подать до Гороблагодатскихъ, принадлежавшихъ тогда Шувалову. Крестьяне, приписанные къ нимъ, жили въ екатеринбургскомъ, верхотурскомъ и туринскомъ вѣдомствахъ и краснослободскомъ дистриктѣ. Среди нихъ волненія были замѣтны еще въ 1761 г. Наконецъ прекратили работы на заводахъ слободы въ нын. екатеринбургскомъ и камышловскомъ уѣздахъ, приписанныя къ Верхъ-Исетскимъ заводамъ Ром. Илар. Воронцова.

По поводу волненія послѣднихъ крестьянъ канцелярія глав-

наго правленія заводовъ послала донесеніе въ сенатъ и бергъ-коллегію, въ которомъ высказывала мнѣніе, что усмирить ихъ можно только строгостью, съ помощью войска, и что затѣмъ главныхъ возмутителей необходимо публично высѣчь кнутомъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ канцелярія ссылаясь на то, какъ усмирены были приписные къ казеннымъ заводамъ во время главнаго начальства надъ ними Геннина. Тогда въ селенія заводскаго вѣдомства ввели нѣсколько полковъ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Китайскомъ острогѣ пересѣкли кнутомъ почти всѣхъ жителей, и только такимъ образомъ усмирили крестьянъ. «Да и нынѣ», продолжаетъ канцелярія, «ежели не такъ съ ними поступать, то опасно того, чтобы по умножительному почти всѣхъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ бунту не послѣдовало отъ нихъ башкирцамъ, яко легкомысленному народу, къ бунту возмущенія... Когда по легкомыслію своему башкирцы взбунтуются, то и приписные къ заводамъ крестьяне... помощниками быть могутъ, и тогда ихъ безъ дальняго кровопролитія усмирить уже будетъ не можно». Хотя крестьяне и жалуются на разныя обиды отъ заводскаго начальства, но, говоритъ далѣе канцелярія, по справкѣ оказалось, что большихъ обидъ имъ нѣтъ, кромѣ того, что на нѣкоторыхъ заводахъ, по недостаточному количеству приписныхъ крестьянъ, ихъ заставляютъ работать *сверхъ подушнаго оклада*, и за эти работы платятъ имъ наличныя деньги». По мнѣнію канцеляріи, дѣло вовсе не въ этихъ обидахъ, а въ томъ, что всѣмъ приписнымъ крестьянамъ «не только отъ партикулярныхъ, но и отъ казенныхъ заводовъ отбыть желается и жить по хотѣнію своему, чѣмъ уже и похваляются». Такъ, напр., «Багарякскихъ и другихъ слободъ крестьяне говорили, что *отъ работъ отбились и живутъ-де какъ имянинники*. А ежели ихъ не усмирить строгостью», заключала канцелярія свое мнѣніе, «то опасно, что и всѣ при заводахъ и золотыхъ промыслахъ мастеровые и работные люди, взирая на такое оныхъ крестьянъ самовольство, въ работахъ быть не похотятъ. Наипаче отъ таковыхъ самовольныхъ ослушностей опасности предлежитъ (ибо извѣстно, что всѣ оныя бунтующіе крестьяне весьма пьянствуютъ) въ томъ, чтобы (съ) поддерживающимися здѣсь множественнаго числа колодниками и другими подозрительными людьми не разграбили здѣсь денежную казну и не разорили монетный дворъ (въ Екатеринбургѣ), или другихъ какихъ бы бѣдствій не причинили».

Очевидно, канцелярія главнаго правленія заводовъ понимала всю опасность возстанія, но она не хотѣла понять, что не кро-

вавое усмиреніе крестьянъ, а только улучшеніе ихъ быта можетъ водворить прочный порядокъ.

II.

Дѣятельность кн. Вяземскаго и А. И. Бибикова по усмиренію крестьянъ.

Во время волненій 1760 и 1761 гг. слѣдствія по жалобамъ крестьянъ производились въ нѣсколькихъ мѣстахъ особыми комиссіями. Наконецъ крестьянскіе челобитчики добрались и до Петербурга, и вотъ, въ мартѣ 1762 г. сенатъ назначилъ слѣдователями генераль-маіора Кокошкина и находящагося не у дѣлъ полковника Данилу Лопатина; депутатомъ со стороны крестьянъ бергъ-коллегія назначила надворнаго совѣтника Шамшева. Комиссія открыла свои дѣйствія только 31 мая, но черезъ двѣ недѣли послѣ того сенатъ рѣшилъ отправить Кокошкина къ его прежнему назначенію по совершенно другому дѣлу. Слѣдователями по жалобамъ крестьянъ и заводчиковъ остались Лопатинъ и Шамшевъ. Черезъ полгода новая перемѣна: императрица Екатерина поручила усмиреніе крестьянъ генераль-квартирмейстеру кн. Вяземскому, которому съ этого времени были подчинены и члены прежней комиссіи. Въ теченіи полугода Лопатинъ и Шамшевъ не успѣли выполнить громадной задачи, на нихъ возложенной. Такъ какъ заводъ отъ завода находился на разстояніи 500 верстъ и далѣе, то при такихъ громадныхъ разстояніяхъ они не могли требовать къ допросу въ одно мѣсто какъ служащихъ на заводѣ, такъ и приписныхъ крестьянъ, приходилось производить слѣдствіе порознь на каждомъ заводѣ, или въ разныхъ приписныхъ деревняхъ. Лопатинъ и Шамшевъ успѣли произвести слѣдствіе только по челобитнымъ приписныхъ къ Авзяно-Петровскому заводу Евд. Демидова и всѣхъ приписныхъ къ Кыштымскому и Каслинскому заводамъ Н. Демидова. Эти дѣла и заняли у комиссіи все время до пріѣзда кн. Вяземскаго. Такъ какъ работы этой комиссіи послужили только матеріаломъ для окончательныхъ рѣшеній кн. Вяземскаго, то, не говоря особо объ ея дѣятельности, мы рассмотримъ теперь, что дѣлалось среди крестьянъ со времени пріѣзда кн. Вяземскаго.

Императрица Екатерина отправила на уральскіе заводы кн. Вяземскаго вѣроятно потому, что только-что передъ этимъ онъ усмиривъ волненіе крестьянъ князей Долгоруковыхъ въ вяземскомъ уѣздѣ и при этомъ обнаружилъ немалую рѣшительность: до 20 человекъ крестьянъ было тамъ убито выстрѣлами изъ пушки.

При отправленіи Вяземскаго для усмиренія горнозаводскихъ крестьянъ, императрица, 6 декабря 1762 г., дала ему инструкцію, въ которой предписывала прежде всего привести крестьянъ «въ должное рабское послушаніе и усмирить», а потомъ уже изслѣдовать причины ихъ волненій и розыскать зачинщиковъ; при этомъ онъ долженъ былъ не смѣшивать всѣхъ волнующихся крестьянъ въ одну категорію, а отличать тѣхъ, которые были введены въ заблужденіе самими заводчиками или ихъ приказчиками. Мы видѣли выше, что когда Козьма Матвѣевъ продалъ свой Авзяно-Петровский заводъ Евд. Демидову, то приказчики Матвѣева нѣсколько разъ объявляли, что приписные крестьяне не проданы, а потому они и не хотѣли работать. «Между подлинно бунтующими и сими различіе надлежитъ дѣлать», сказано въ инструкціи, такъ какъ заводчики можетъ быть называютъ бунтовщиками «по однимъ только привязкамъ». Несмотря на то, и тѣхъ и послѣднихъ императрица находила нужнымъ прежде всего заставить работать. Если на какомъ-нибудь изъ заводовъ продолжается сопротивленіе мастеровыхъ и приписныхъ крестьянъ, то, взявъ сколько нужно войска, приказныхъ и людей, знающихъ мѣстные обстоятельства, Вяземскій долженъ былъ ѣхать туда немедленно, приказать нѣсколько разъ прочесть и объяснить въ церквахъ изданный по этому случаю манифестъ и требовать послушанія, такъ какъ «никто за свою обиду самъ собою управляться не дерзаетъ, но и въ утѣсненіи своемъ долженъ власти повиноваться, которая по волѣ высочайшей поставлена»; «собственное сопротивленіе, хотя бы и правильными причинами поуждаемо было, есть грѣхъ непростительный противу божьей заповѣди»: «противящіеся власти нашей», говорилось въ инструкціи, «противятся Богу». Манифестъ, врученный Вяземскому, былъ сочиненъ Тепловымъ и поправленъ Панинымъ. Къ обычнымъ фразамъ, требующимъ безусловнаго повиновенія, Панинъ прибавилъ слѣдующія слова: «наше правосудное и милосердное намѣреніе есть въ томъ, чтобъ простыхъ и заблужденныхъ исправить, обижаемыхъ защитить и *прямые нападки и утѣсненія тѣмъ крестьянамъ отворотить добрымъ учрежденіемъ ихъ работъ съ выгодною, по мнрѣ трудовъ, платою, или отпискою ихъ отъ тѣхъ заводовъ*, какъ мы найдемъ полезнѣе для ихъ собственнаго благосостоянія и для цѣлости заводовъ». Если манифестъ не подействуетъ и крестьяне не тотчасъ примутся за работу, а будутъ готовиться къ вооруженной оборонѣ, Вяземскій долженъ былъ ихъ стращать не только гнѣвомъ императрицы, но и жестокимъ наказаніемъ, а наконецъ «огнемъ, мечемъ и всѣмъ тѣмъ,

что только отъ вооруженной руки произойти можетъ»; «однакожь», сказано въ инструкціи, «къ дѣлу не приступать безъ самой крайней нужды. И сіе особливо предается на ваше благоразуміе и умѣренность». По приведеніи крестьянъ къ послушанію, онъ долженъ былъ развѣдывать, кто изъ нихъ и церковниковъ подстрекалъ къ возмущенію, не было ли какихъ-нибудь письменныхъ подложныхъ указовъ, кромѣ того, о которомъ уже было сказано выше, и кто ихъ сочинялъ; виновныхъ публично наказывать безъ всякой пощады и ссылатъ по своему усмотрѣнію въ вѣчную каторжную работу.

Вяземскій получилъ приказаніе присылать свои донесенія прямо къ императрицѣ. По свидѣтельству Теплова, кромѣ указанной инструкціи, она дала по этому дѣлу многія предписанія, сама внимательно рассматривала подробныя донесенія кн. Вяземскаго и дѣлала по нимъ резолюціи.

На основаніи инструкціи Вяземскій долженъ былъ прежде всего отправиться въ Казань, собрать тамъ необходимыя свѣдѣнія и затѣмъ начать объѣздъ заводовъ. Прежде всего онъ отправился на Камскіе заводы Шувалова: въ началѣ февраля онъ былъ уже на Ижевскомъ заводѣ, а оттуда проѣхалъ на Воткинскій. Мы видѣли, что крестьяне, приписанные къ этимъ заводамъ, волновались еще въ концѣ 1762 г.; но въ февралѣ 1763 г. мы находимъ ихъ уже на работахъ. Вяземскій немедленно приступилъ къ разбору дѣла о крестьянахъ, «виновныхъ въ сопротивленіи», и скоро постановилъ свое первое рѣшеніе.

Несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ были наказаны, приписные къ Камскимъ заводамъ еще не совершенно успокоились. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали съ заводовъ, но были тотчасъ же арестованы и жестоко наказаны плетью. Мирная партія торжествовала: ея предсказанія, что сопротивленіе добромъ не кончится, вполнѣ оправдались. Но и участвовавшіе въ волненіи не унывали.

«Слѣдствіе на заводѣ не надолго», говорилъ одинъ крестьянинъ другому на Воткинскомъ заводѣ: «а послѣ переберемъ васъ». Объ этомъ тотчасъ донесли Вяземскому, и новая жертва испытала наказаніе плетью. Въ случаѣ заpiresательства на слѣдствіи прибѣгали къ пристрастнымъ допросамъ (т.-е. съ батогами или плетью).

Однако Вяземскій не только подписывалъ карательные приговоры; онъ сталъ внимательно изучать положеніе горнозаводскихъ крестьянъ. Въ своихъ донесеніяхъ онъ не скрылъ отъ им-

ператрицы, какъ тяжелы для нихъ работы на заводахъ, и результатомъ полученныхъ отъ него свѣдѣній былъ замѣчательный именной указъ 9 апрѣля 1763 г. Но объ этомъ указѣ, а также и о правилахъ, установленныхъ кн. Вяземскимъ на Камскихъ заводахъ, мы упомянемъ ниже, окончивъ рассказъ объ усмирении крестьянъ. — Императрица была весьма довольна «ревностью и трудами» Вяземскаго и обнадеживала его своимъ «непремѣннымъ благоволеніемъ».

Усмирены были приписные къ Камскимъ заводамъ; одновременно съ этимъ успокоились и жившіе въ той же мѣстности крестьяне, работавшіе на Вознесенскомъ заводѣ Сиверса. Въ ихъ селенія былъ посланъ капитанъ Толстой. Успокоивъ крестьянъ, Толстой отправился на самый Вознесенскій заводъ, къ которому они были приписаны, и до котораго, по ихъ словамъ, было не менѣе 700 верстъ.

Въ половинѣ марта кн. Вяземскій предписалъ сибирской губернской канцеляріи, чтобы она ввела на постоя одинъ полкъ солдатъ въ селенія крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ сибирской губерніи, начиная съ Гороблагодатскихъ. Это слѣдовало исполнить не позже первыхъ чиселъ мая. — 17 марта, Вяземскій пріѣхалъ въ Соликамскъ. Мы упоминали выше, что крестьяне соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ, приписанные къ заводамъ Чернышева и Походяшина, не были усмирены до самаго пріѣзда Вяземскаго. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій по прибытіи его на Камскіе заводы было — отправить къ этимъ крестьянамъ подполковника Попова. Крестьяне приняли манифесты, дали подписки и были высланы на работы. Вслѣдъ затѣмъ Поповъ усмирить приписныхъ къ Висискому и Пыскарскому заводамъ Демидова.

Между тѣмъ капитанъ Толстой, о которомъ мы только-что упоминали, находился на Вознесенскомъ заводѣ Сиверса. Судя по всему, это былъ довольно гуманный человѣкъ. Въ приписныхъ селахъ, откуда онъ только-что пріѣхалъ, онъ никого не арестовалъ; на заводѣ онъ также не обнаружилъ особой свирѣпости. Когда два крестьянина самовольно уѣхали съ этого завода на Воскресенскій заводъ Твердышева и Мясникова и возмутили тамъ крестьянъ, Толстой не принялъ противъ нихъ никакихъ мѣръ.

Вяземскій нашелъ, что волненіе на Вознесенскомъ заводѣ продолжалось вслѣдствіе излишней снисходительности Толстого. Онъ приказалъ арестовать главныхъ возмутителей и о всемъ подробно

донести ему, а тѣхъ крестьянъ, которые лѣниво работаютъ, наказывать плетью или батогами, смотря по ихъ винѣ. Въ отвѣтъ на это Толстой донесъ, что по приказу Вяземскаго «находящіеся нынѣ въ заводѣ ослушники наказаны и къ работѣ въ добрый порядокъ приведены». Мы видимъ такимъ образомъ, что наказанія производились не только по рѣшенію кн. Вяземскаго, основанному на судебномъ изслѣдованіи, а также и по усмотрѣнію посланныхъ имъ офицеровъ. Намъ не извѣстно, сколько крестьянъ наказалъ Толстой, но нужно думать, что онъ обошелся съ ними, насколько могъ, снисходительно, такъ какъ даже и послѣ выговора, полученнаго имъ отъ Вяземскаго за недостатокъ строгости, онъ все-таки ходатайствуетъ за нихъ. Вотъ чтó пишетъ онъ далѣе въ своемъ донесеніи, о которомъ мы только-что говорили. Упомянувъ о томъ, что два человѣка, ѣздившіе на Воскресенскій заводъ, имъ арестованы, онъ продолжаетъ: «о прочихъ по представленію Вознесенской конторы винности далней не предвидится. Я вашему сіятельству осмѣлился всенижайше просить, чтобъ за то ихъ преступленіе, о которыхъ значить въ допросѣхъ, жестокое наказаніе оставлено было, а впредь, дабы они осторожнѣе поступали и излишнихъ словъ не употребляли, не изволите-ль приказать слегка наказать, ежели разсмотрѣно будетъ вашего сіятельства въ томъ ихъ винность». Во всемъ этомъ ясно видно доброе желаніе по возможности смягчить участь крестьянъ.

Въ половинѣ іюля кн. Вяземскій пріѣхалъ въ Екатеринбургъ; затѣмъ онъ объѣхалъ разные заводы Демидовыхъ, Гороблагодатскіе — Шувалова, заводы Гурьева и Турчанинова, и въ началѣ ноября направился въ оренбургскую губернію: былъ на Авзяно-Петровскомъ заводѣ Евд. Демидова, оттуда проѣхалъ на Воскресенскій заводъ Твердышева. Онъ вездѣ рѣшалъ судьбу крестьянъ, виновныхъ въ волненіяхъ, или разбиралъ жалобы на приказчиковъ и заводчиковъ.

Въ то время, когда Вяземскій объѣзжалъ заводы, расположенные въ сибирской губерніи, крестьяне соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ, приписанные къ заводамъ гр. Чернышева и Походяшина, стали вновь волноваться и бѣжали съ работъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе въ началѣ октября, кн. Вяземскій отправилъ для ихъ усмиренія оберъ-гиттенъ-фервальтера Княгинкина, къ которому приказалъ послать изъ Казани по 50 гренадеръ и мушкетеръ, и далъ ему подробную инструкцію. Онъ долженъ былъ пріѣхать въ расплохъ въ станъ, ближайшій къ Соликамску, и, если возможно, захватить главныхъ зачинщиковъ.

Если крестьяне успѣютъ приготовиться къ сопротивленію, то должно было объяснить имъ, что они не слушаются именного указа самой государыни, что они уже прежде дали подписку работать на заводахъ. Хотя въ манифестѣ императрицы и сказано, что, быть можетъ, крестьяне будутъ отписаны отъ заводовъ ¹⁾, но они должны ждать объ этомъ указа государыни, а не самимъ бить челомъ. Впрочемъ, всѣ эти переговоры должны были быть только военною хитростью. «Такимъ образомъ приманя», приказывалъ дальше кн. Вяземскій Княгинкину, «и обнадежа, что никакого вреда имъ сдѣлано не будетъ, вдругъ и крестьянамъ непримѣтнымъ образомъ всѣхъ, или сколько можно, главныхъ злодѣевъ и возмутителей захватить и, того же часа набивъ на нихъ колодки, спрашивать и о ихъ сообщникахъ и помощникахъ, которыхъ потому-жъ, немедленно захвати, содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, ибо отъ скоро пріятой твердой резолюціи не только крестьяне, но и *регулярный непріятель* легко въ безпорядокъ приведенъ быть можетъ, и всякое такое предпріятіе желаемый конецъ получаетъ, что довольными опытами доказывается! Если же этого сдѣлать будетъ нельзя, то стараться, обманувъ крестьянъ военною хитростью, безъ кровопролитія къ нимъ «войтить и начальниками овладѣть, или же чрезъ посланныхъ, сосѣдственныхъ же крестьянъ и священниковъ раздѣлить на разныя партіи и постановить между ними несогласіе, или, сдѣлавъ знакъ, якобы съ командою возвращается, изыскавъ удобный случай ночью врасплохъ вдругъ войдя, главныхъ злодѣевъ переловить и такимъ образомъ истребить сіе непослушаніе». Если вся эта политика не приведетъ ни къ чему, Княгинкинъ долженъ былъ поступить съ крестьянами, «какъ съ злодѣями и бунтовщиками». По усмиреніи ихъ нужно было приступить къ слѣдствію и, въ случаѣ заpiresательства, допрашивать подъ плетми.

Пріѣхавъ въ Соликамскъ въ концѣ октября, Княгинкинъ тотчасъ же увидѣлъ, что безъ войска ему не удастся усмирить всѣхъ крестьянъ. Когда посланные Княгинкина привезли въ село Городище требованіе, чтобы крестьяне прислали къ нему своихъ сотниковъ и выборныхъ окладчиковъ, они отвѣчали:

«Раскладъ для платежа подушныхъ денегъ у насъ сдѣланъ и мы и теперь ихъ платимъ, а для работъ раскладки чинить не будемъ. Пускай Княгинкинъ пріѣдетъ къ намъ самъ съ командою и объявитъ указъ. У насъ собрано до 500 человекъ».

¹⁾ См. выше въ манифестѣ, данномъ Вяземскому, мѣсто, приписанное Н. И. Панинымъ.

Тогда Княгинкинъ послалъ къ городищенскимъ и всѣмъ собравшимся у нихъ крестьянамъ объявленіе, написанное въ нѣсколько ироническомъ тонѣ.

«Что касается до того, чтобъ я къ вамъ пріѣхалъ съ командою», писалъ онъ, «то можетъ учиниться не по вашей волѣ, но по повелѣнію и высочайшему Е. И. В. соизволенію; но точію мой къ вамъ съ командою пріѣздъ», иронизируетъ онъ, «вамъ веселымъ и полезнымъ быть не можетъ, ибо онъ можетъ быть вреднымъ и разорительнымъ». Тутъ онъ мѣняетъ тонъ: «не дѣлайте того, чтобы высочайшей императорской волѣ могли вы противиться, что страшно имѣющему разсужденіе человѣку и помыслить, ибо императорское величество противности своей высочайшей волѣ снести не можетъ и противниковъ, яко сущихъ злодѣевъ отечества, щадить жалости имѣть не будетъ». Но и это воззваніе не подѣйствовало на крестьянъ, собравшихся въ селѣ Городищѣ. Крестьяне запрещали сотнику ѣхать къ Княгинкину, а когда онъ не согласился на это, они сказали: «Поди къ нимъ куда хочешь, ты нынѣ намъ не сотникъ, вмѣсто тебя выберемъ другого».

Насталъ декабрь мѣсяцъ 1763 г., а военная команда все не приходила къ Княгинкину, безъ нея же онъ не могъ справиться съ ослушными крестьянами. На требованіе Вяземскаго выслать изъ Казани 100 человѣкъ солдатъ, Кудрявцевъ отвѣчалъ, что у нихъ на лицо только 33 гренадера и мушкетера и предлагалъ, чтобы Вяземскій отправилъ команду изъ находившагося въ его распоряженіи ревельскаго полка. Вяземскій отвѣчалъ, что совершенно не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ бывшіе при немъ три эскадрона ревельскаго полка были цѣлый годъ въ постоянномъ передвиженіи и крайне изнурены. Къ тому же, въ соликамскій и чердынскіе уѣзды нельзя отправить конную команду, такъ какъ придется ѣхать въ такую даль лѣсными ненаселенными мѣстами, гдѣ нельзя будетъ достать фуража. Изъ этого видно, какъ ничтожны въ то время были средства правительства въ этомъ краѣ для борьбы съ народными волненіями, которыя въ это время охватили почти весь приуральскій край. По пріѣздѣ въ Казань, Вяземскій послалъ приказъ Княгинкину, чтобы онъ извѣстилъ его какъ можно скорѣе, если ему не удастся усмирить крестьянъ. Тогда онъ самъ отправится на мѣсто волненія; если же они будутъ усмирены, то распредѣлитъ крестьянъ, на работу, «чина, кто бы хотя мало въ ослупности оказался, плетью или батожемъ наказаніе». Последняго

можно было и не прибавлять: Княгинкинъ и безъ того усердствовалъ не мало. На требованіе выдать нужныхъ для слѣдствія крестьянъ, жители одной деревни отвѣчали: «Не дадимъ вамъ ни одного, и такъ у насъ воевода и Княгинкинъ многихъ измучили и застегали до смерти; ужь мы послали въ Петербургъ 5 человекъ челобитчиковъ».

Въ самомъ концѣ декабря, наконецъ, явились въ Соликамскъ 100 человекъ солдатъ подъ начальствомъ подпоручика свѣяжскаго полка, Дурова. Вѣсть о прибытіи войска тотчасъ разнеслась среди крестьянъ. Нѣкоторые изъ нихъ ѣздили по деревнямъ и убѣждали не поддаваться. Крестьянинъ Мельниковъ, руководившій всѣмъ движеніемъ, распускалъ слухъ, что эта команда нанятая, а не присланная по указу. Княгинкинъ съ отрядомъ Дурова выступилъ изъ города. Подѣзжая къ селу Городищу, они увидѣли человекъ четырехъ, убѣгающихъ на лыжахъ, а въ самомъ селѣ нашли только двухъ неослушныхъ крестьянъ, да попа съ дьякономъ. Отправились далѣе въ деревню Харюшину, гдѣ жилъ Мельниковъ. Къ ней подѣхали уже при захожденіи солнца. Въ деревнѣ бѣгали мужики съ оглоблями и дубемъ. Дуровъ, который шелъ впереди съ гренадерами, спѣшась, приказалъ барабанщику бить сборъ. Мушкетеры слѣдовали позади съ Княгинкинымъ. Подвигаться впередъ было не особенно легко: снѣгъ былъ очень глубокъ, а дорога узка и потому можно было идти только по 3, по 4 человека въ шеренгѣ. Въ деревнѣ собралось до 300 человекъ крестьянъ всѣхъ деревень Харюшинской сотни и Городищенскаго стана. Они собрались при входѣ въ деревню съ оглоблями и рогатинами, а у нѣкоторыхъ были винтовки. Впередъ выбѣжалъ крестьянинъ въ кафтанѣ на распашку, въ синей пестрой рубахѣ: это былъ Иванъ Мельниковъ. «Міранушки, не подайте» (не поддавайтесь), закричалъ онъ: «это все пріѣхали накупные отъ графа, надобно ихъ всѣхъ научить».

Въ это время солдаты уже подошли близко; крестьяне стали бросать въ нихъ полѣньями и колоть дубемъ, такъ что нѣкоторыхъ ранили. Тогда Дуровъ, не дожидаясь приказанія Княгинкина, который отсталъ, велѣлъ стрѣлять изъ ружей. Послѣ первыхъ выстрѣловъ крестьяне закричали еще громче и съ жаромъ стали нападать на войско. Однимъ полѣномъ они попали въ Княгинкина, подоспѣвашаго въ это время, но не причинили ему вреда. Однако выстрѣлы скоро произвели свое дѣйствіе: нѣсколько крестьянъ пало, другіе обратились въ бѣгство. Пальба утихла, солдаты начали ловить бѣглецовъ, но крестьяне успѣли ускорать,

и было поймано только трое. Во время сраженія было убито 7 крестьянъ, да два тяжело ранены (одинъ умеръ на другой день); изъ солдатъ было ранено шестеро, впрочемъ 4 повредили только пальцы полѣвными и рогатинами. Послѣ того къ Княгинкину стали являться крестьяне съ заявленіемъ покорности. Получивъ донесеніе объ этомъ въ Казани 2 января 1764 г., кн. Вяземскій остался очень доволенъ дѣйствіями Княгинкина: «не могу чтобы не похвалить», написалъ онъ ему, «благоразумнаго важнаго поведенія и употребленнаго и отъ военной команды поступка».

Теперь всѣ приписные крестьяне казанской, оренбургской и сибирской губерній были усмирены и принялись за работу.

Вотъ къ какому убѣжденію пришелъ кн. Вяземскій во время исполненія порученія, возложеннаго на него императрицей. «Ежели иногда по легкомыслію крестьянскому», писалъ онъ, «отъ оныхъ въ которой слободѣ окажется вновь прежняя ихъ противность, или же малѣйшее непослушаніе, то въ началѣ самаго того зла спѣшить съ пристойными ко отвращенію того средствами; въ противномъ случаѣ, если хотя малое медленіе во отвращеніи послѣдуетъ, то не иныя, какъ наивреднѣйшія слѣдствія отъ того родиться могутъ, и тогда и полезнѣйшія мѣры того желаемаго успѣха произвести будутъ не въ состояніи». Подъ «пристойными ко отвращенію зла средствами» Вяземскій очевидно разумѣлъ усмиреніе съ помощію войска. Между тѣмъ, онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія канцеляріи на то, что, несмотря на свое ужасное положеніе, на несправедливости и притѣсненія, какія имъ приходилось выносить, крестьяне обыкновенно рѣшались на открытое сопротивленіе лишь послѣ того, какъ всѣ ихъ жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. Вяземскому слѣдовало посоветовать канцеляріи главнаго управленія относиться повнимательнѣе къ жалобамъ крестьянъ, не защищать во что бы то ни стало интересовъ однихъ заводчиковъ, и тогда, конечно, пришлось бы гораздо рѣже прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ; окончательно же могли бы прекратиться всѣ волненія крестьянъ въ этой мѣстности только въ томъ случаѣ, если бы ихъ освободили отъ обязательныхъ работъ на заводахъ. Но къ такому средству тогда еще не осмѣлились прибѣгнуть.

Какъ разъ въ то самое время, когда крестьяне были усмирены, кн. Вяземскій былъ отозванъ императрицею, чтобы занять мѣсто генераль-прокурора. Въ мѣсто него былъ назначенъ А. И. Бибииковъ, который впоследствии приобрѣлъ извѣстность какъ

маршалъ комиссіи для составленія новаго уложенія и особенно своею энергическою дѣятельностью во время пугачевского бунта. На этотъ разъ, впрочемъ, его задача была далеко не такъ трудна, какъ 10 лѣтъ спустя. Волненіе уже было совершенно усмирено его предшественникомъ; большинство жалобъ крестьянъ на заводчиковъ разобраны.

4 января 1764 г. Бибиковъ пріѣхалъ въ Казань; Вяземскій немедленно сдалъ ему дѣла и черезъ нѣсколько дней отправился въ Петербургъ.

Въ февралѣ Бибиковъ получилъ новое донесеніе Княгинкина объ усмирении всѣхъ крестьянъ соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Бибиковъ рѣшилъ судьбу обвиняемыхъ изъ числа приписанныхъ къ заводу Чернышева. Кн. Вяземскій всегда приказывалъ крестьянъ, наказанныхъ плетми, отправлять въ каторжную работу; Бибиковъ же предписалъ Чернышевскимъ крестьянамъ, присужденнымъ къ этому наказанію, всю жизнь работать на Бабкинскомъ заводѣ. Собственно, это вовсе не было облегченіемъ наказанія: вѣчная работа на заводѣ была ничѣмъ не лучше, а иногда и хуже каторги. Изъ государственныхъ крестьянъ, обвиненные превращались въ вѣчное, безотвѣтное достояніе фабрикантовъ, которые, конечно, не отказывали себѣ въ удовольствіи напомнить имъ, что они возставали противъ ихъ власти. Для заводчиковъ же новая мѣра, принятая Бибиковымъ, была, конечно, очень пріятна: они даромъ получали рабочую силу въ свое вѣчное распоряженіе. При такомъ способѣ наказанія крестьянъ, заводчикамъ было даже выгодно быть какъ можно несправедливѣе къ приписнымъ: доведя ихъ до возстанія, они не только не рисковали лишиться рабочихъ, а, напротивъ, получали самыхъ дѣятельныхъ изъ нихъ въ безсмѣнные мастерские.

Сынъ Александра Ильича Бибикова говоритъ въ составленной имъ біографіи своего отца, что тотъ «умѣрилъ сколько возможно строгости и наказанія, и при ласковомъ обхожденіи всегда правдивымъ и кроткимъ разбирательствомъ старался войти въ довѣренность у крестьянъ, въ чемъ... почти всегда успѣвалъ». Крестьяне будто бы вездѣ сами выдавали «злоумышленниковъ», такъ что «изъ многихъ тысячъ мятежническихъ шаякъ» не болѣе 20-ти человекъ были наказаны кнутомъ, а около 100 человекъ по легкомъ наказаніи распущены по домамъ. Во то время, когда при Вяземскомъ происходили кровопролитныя сраженія, Бибиковъ успокаивалъ волненіе иногда страхомъ приближенія войскъ, а болѣе увѣреніемъ общаго прощенія, даруемаго монар-

шимъ милосердіемъ». Къ сожалѣнію, подлинное дѣло не подтверждаетъ этихъ показаній. Бибикову дѣйствительно не приходилось вступать въ сраженія съ крестьянами, но это очень просто объясняется тѣмъ, что они были усмирены уже до него. Что же касается произнесенныхъ имъ приговоровъ, то мы вовсе не видимъ въ нихъ особеннаго мягкосердія. По ихъ суровости, съ ними можетъ сравниться только рѣшеніе кн. Вяземскаго о всѣхъ приписныхъ къ Каслинскому и Кыштымскому заводамъ Н. Демидова. Что Бибиковъ поступалъ вовсе не гуманнѣе кн. Вяземскаго, это всего лучше видно при сравненіи всего числа наказанныхъ ими крестьянъ. По рѣшеніямъ Вяземскаго было наказано кнутомъ 38 человѣкъ, высѣчено три раза плетми 88, по одному разу плетми 83, наказано батогами 26. При Бибиловѣ бито кнутомъ 18, по три раза плетми 49, по два раза плетми также 49, по одному разу 44, батогами 36. Всего наказано было Вяземскимъ 235, Бибиловымъ 196 ¹⁾, но при этомъ должно замѣтить, что Вяземскій произнесъ приговоры о приписныхъ къ 10-ти заводамъ, а Бибиловъ о приписныхъ только къ 5-ти заводамъ, слѣдовательно, относительно онъ наказалъ гораздо болѣе, чѣмъ Вяземскій. Если къ этому прибавить, что Вяземскій не только усмирилъ крестьянъ, но и успѣлъ разобрать большую часть ихъ жалобъ, то очевидно, что нѣтъ никакихъ причинъ возвеличивать въ этомъ случаѣ Бибилова на счетъ Вяземскаго.

Къ октябрю 1764 г. Бибиловъ покончилъ всѣ дѣла, и по возвращеніи въ Петербургъ былъ награжденъ чиномъ секундъ-майора Измайловскаго полка.

При чтеніи разсказа о всемъ этомъ пятилѣтнемъ волненіи крестьянъ можно сначала подумать, что вспышки во многихъ мѣстахъ возникали по самымъ ничтожнымъ причинамъ: вслѣдствіе какого-нибудь ложнаго слуха, неправильнаго объясненія указа и т. п. Но это были не причины, а только случайные поводы къ волненію; дѣйствительною же причиною было ужасное положеніе этихъ крестьянъ, всевозможныя злоупотребленія и насилія, которыя они испытывали на заводахъ. Скорѣе можно удивляться тому, что всѣ эти волненія не приняли болѣе опаснаго характера. Но въ это время еще не скопилось тѣхъ элементовъ, которые были на лицо во время пугачевщины: страшнаго раздра-

¹⁾ Эти цифры не представляютъ еще общаго числа наказанныхъ; такъ какъ здѣсь не входятъ въ счетъ наказанные не по судебному рѣшенію, а по усмотрѣнію разныхъ посланныхъ для усмиренія крестьянъ офицеровъ.

женія противъ правительства среди яицкихъ казаковъ и участія крѣпостныхъ крестьянъ и башкирцевъ въ общемъ замѣшательствѣ; наконецъ, въ это время не появилось еще такихъ энергическихъ личностей, которыя, воспользовавшись уже не новою формою самозванства и сгруппировавшись вокругъ какого-нибудь Пугачева, придали бы нѣкоторое единство всему движенію. Въ описанныхъ же нами волненіяхъ одни приписные крестьяне, со своими луками и дубинами, не могли конечно устоять даже и противъ тѣхъ ничтожныхъ силъ, какія были въ этой мѣстности въ распоряженіи правительства.

Василій Семевскій.